

Михаил Нестеров
Морские террористы
Серия «Джеб», книга 6

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143213
Нестеров М. Морские террористы: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-19883-2

Аннотация

Оказывается, пираты существуют не только на экране. На российское судно, перевозившее шедевры мирового искусства, напал военный корабль под командой морского офицера американской армии Шона Накамура. Но современные флибустьеры просчитались – шедевры оказались копиями. От досады главарь пиратов приказал убить пассажиров судна. Но один свидетель все же остался, и теперь морских террористов ждет возмездие. Диверсионная группа Евгения Блинкова по прозвищу Джеб получила задание уничтожить «пиратский бриг» и уже отправилась «в гости» к Накамуре. Правда, трусливый японец прячется вблизи военно-морской базы США, а к ней не так просто подступиться...

Содержание

Глава 1	4
1	4
2	7
3	9
4	13
Глава 2	15
1	15
2	17
3	19
Глава 3	20
1	20
2	24
Глава 4	27
1	27
2	32
Глава 5	36
1	36
2	39
3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Михаил Нестеров

Морские террористы

Автор выражает особую признательность еженедельнику «Независимое военное обозрение», газете «Независимая газета», автору путеводителя «Юго-Восточная Азия» Валерию Шанину и авторам брошюры «Эти странные японцы» С. Кадзи, Н. Хама и Д. Райсу за использование их материалов в своей книге.

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

Искусство обмана состоит в том, чтобы сначала обмануть, а потом не обманывать.

Стратегема китайских полководцев

В случае успеха ты – царь; в случае неудачи ты – разбойник.
Китайская поговорка

Глава 1

«МОРСКОЙ ПЕРЕХВАТЧИК»

1

Сиамский залив, 4 марта 2003 года

...Пиратский флагман «Си Интерцептор» («Морской перехватчик») прятался за расположенным в южной акватории Сиамского залива Горбатым островом, издали походившим на плывущего верблюда: голова – юг острова; два покрытых плесенью горба – его центральная часть; а за ней на севере рифы и пенящееся вокруг них море.

Капитан Накамура, не оборачиваясь лицом к старпому, спросил:

– Верблюды умеют плавать?

– Не знаю, Шон, – с легкой оторопью и с запинкой ответил Филипп Райнер. И, угадывая настроение капитана, дополнил: – Если корабль пустыни и умеет плавать, то тщательно скрывает это.

– Великий обманщик... Ты прав. Война и есть путь обмана.

Японец ответил на вызов по радиации: радист сообщил о появлении на экране радара русского судна.

Отметив время, Накамура прошел в рубку и кивнул радисту, расположившемуся за столом спиной к рулевому:

– Диспетчеры базы в Куантане пытались выйти на связь с русскими?

Последние час-полтора радист, словно гидроакустик, внимательно прослушивал эфир. На вопрос Накамуры он ответил: «Нет».

– Давай связь с ними.

Российский корабль, названный в честь российского живописца Федора Решетникова, вышел из Владивостока в середине февраля. Сделав двухдневную остановку в корейском Пусане, сутки простоял в японском порту Нагасаки. С заходом в Тайбэй «Решетников» совершил длительный путь до южной части Вьетнама и вот уже несколько часов пенил гребным винтом воды Сиамского залива. Судно шло к тайской военной базе, дислоцированной вблизи пограничного перехода в Малайзию.

Эти сведения капитан пиратского флагмана получал на протяжении нескольких дней и на своей базе тщательно готовился к нападению. И только сегодня рано утром скоростное судно с двумя «атакующими» глиссерами на борту снялось с якоря и затаилось на пути «Федора Решетникова».

– Капитан? Добрый день! – Накамура приветствовал командира корабля на безупречном английском после того, как его радист коротко пообщался с радистом «Решетникова». – Я Дэйв Аркуш, дежурный диспетчер базы. Рад приветствовать вас в наших водах.

– Здравствуйте! Я Александр Винник.

Накамура держал спину прямо и поигрывал витым проводом рации. Начав переговоры с капитаном российского транспортника, он усмехнулся. Глядя через стекло рубки на палубу, в очередной раз оглядел вооруженную до зубов команду, готовую атаковать «Решетникова» в любую минуту.

«Ясный день скрывает лучше, чем темная ночь». Это правило китайского полковника Накамура давно взял на вооружение. Нападения на морские суда в темное время суток осуществлялись им лишь в том случае, если его жертвы ждали на рейде своей очереди постановки к причалу. Тогда быстроходный флагман Накамуры выходил из своего тайного укрытия, а дальше все развивалось по законам абордажного боя. Нередко, так же как сейчас, Накамура вел переговоры с радистом судна от имени диспетчерских служб порта и таким способом получал дополнительную информацию об экипаже, грузе, техническом состоянии судна.

Он знал многое об экипаже и грузе «Решетникова»; техническое состояние корабля его мало интересовало. Главное, чтобы судно не пошло ко дну вместе с ценным грузом. Об этом Накамура подумал в ином ключе: экипаж и музейные работники могли утянуть за собой сокровища в морскую пучину.

– Чем порадуете нас, Дэйв? – спросил капитан Винник.

– Отличной погодой, кэп! На безветрие могут пожаловаться разве что яхтсмены. Но зато какое солнце!.. Если вы не против, вас проводят в порт три наших судна. Они патрулируют район Горбатого острова. Вы увидите его на правом траверзе. Он похож... на плывущего верблюда. Кстати, вы не знаете, умеют верблюды плавать?

Установившееся в рации молчание позабавило Накамуру, и он рассмеялся. Но он слышал словно голос с небес:

«Нет ничего важнее, чем знать, как обмануть неприятеля: обмануть его своими приемами; заставить его обмануться в его собственных приемах; обмануть его, потому что он честен...»

«Этот капитан Винник честен? – задался вопросом Накамура. – Он уже обманулся, значит – честен. Но жадные люди – такие же обманчивые, как и честные. Честность и жадность. Между ними бездна, глубже Марианской впадины».

Накамура, продолжая следовать военным хитростям великих полководцев, добивался доверия противника и внушал ему спокойствие, скрывая свои планы. Он подготовил все, как подобает, дело за коротким, но стремительным, как полет стрелы, нападением.

Но, обещав своим воинам легкую победу, Накамура сделал все, чтобы их не обмануть. Их добыча спешила в Южный Таиланд. Это тропики с кокосовыми плантациями, райскими

островами и коралловыми рифами, кишачими рыбой. Океанские побережья, мангровые заросли, пещеры, гроты. Малярия, диарея, холера, чума, японский энцефалит. Дурная слава – малазийские, тайские, камбоджийские пираты.

– Куда вы отправитесь с нашей базы, капитан? – спросил Накамура.

– Я так далеко не загадываю. Вначале мне нужно пришвартоваться к вашей базе.

– И все же.

– Куантан, Малайзия, – с неохотой ответил Винник.

– Хотите на себе испытать шариатское гостеприимство? – Накамура снова рассмеялся. – Там не стоит показывать на кого-либо пальцем – отрубят руку. Закажете в ресторане свинину – закопают живьем. Предложите выпить с малайцем – утопят в чане с дерьмом. Шучу, конечно. Хотя за восемь лет, что я торчу в приграничной зоне, насмотрелся всякого. Слышали что-нибудь о малазийских охотниках за головами? Дикари до сих пор охотятся на людей с отравленными стрелами и прячут их черепа в замаскированных святилищах.

– Это тоже шутка?

– Нет, это очень серьезно.

Антенна радиолокационной станции, возвышающейся над ходовым мостиком, передавала на экран точные координаты российского судна, отметка которого находилась в верхней части.

– О'кей, капитан, мы видим вас, – Накамура легонько постучал ногтем по дисплею. – Ваш курс – два-два-семь. Возьмите полтора градуса южнее. Скоро увидите остров. Я тотчас свяжусь с капитанами патрульных катеров, они проводят вас. Удачи!

– Спасибо!

– Не стоит благодарностей. Я только делаю свою работу.

Накамура оборвал связь и приказал Райнеру:

– Включай глушитель. Русские не должны услышать диспетчера на базе.

Шон Накамура мог варьировать в плане выбора подавления радиочастот. Это ему позволял сделать малогабаритный комплекс радиоэлектронного подавления, начиная со сплошного подавления средств УКВ радиосвязи в радиусе досягаемости русского транспортника. Его старший помощник остановился на глушении в широком спектре частот, имитирующих естественные отказы аппаратуры.

Накамура прошел в нос судна. Справа от швартовного клюза находился линемет – гарпун, по сути, похожий, однако, и на пожарную пушку. Рядом с ним стоял с сигаретой, как пушкарь с разожженным фитилем, одетый в тельник боевик по имени Ксавье Гимо. Еще один линемет нашел себе место на корме.

Название этой операции Накамура мог взять из названий картин, находящихся на «Решетникове». Например, «Буря у скалистых берегов» Айвазовского или «Путешествие Посейдона по морю» того же русского мастера. И еще несколько многообещающих и в тему названий.

Флагман Накамуры развивал скорость сорок пять узлов. Дальность плавания – около шестисот миль. Экипаж – пять человек плюс абордажная команда – двадцать головорезов. Вооружение – три 25-миллиметровые артустановки «бушмастер», десять пулеметов М-60, гранатомет и переносной зенитно-ракетный комплекс «стингер». Все это, включая линеметы, было готово к работе.

Еще два легких катера, спущенных на воду, терлись о черный борт «Интерцептора». На носовых и кормовых платформах крепились скорострельные пулеметы и 40-миллиметровые гранатометы. Двенадцать вооруженных пиратов ожидали команды капитана.

2

У «Решетникова» была трудная судьба. Он был рефлагированным (несколько лет ходил под японским флагом) и линейным. Сейчас это трамповое судно, осуществляющее нерегулярные плавания. От других морских транспортов его отличала такая деталь, как палуба с остеклением.

Общение с дежурным диспетчером базы приподняло настроение Александра Винника. Его судно вторглось в воды, где каждый риф виделся скоростным пиратским катером, каждая отмель – менее скоростным, но не менее грозным судном обеспечения. Современные пираты уже достигли уровня подготовки морских диверсантов, а в плане оснащения шли на шаг впереди.

Винник покинул рубку и обошел ее с левого борта. Постучав в каюту заведующей Дагестанским республиканским музеем изобразительных искусств Марии Логиновой и услышав «Да!», словно она отвечала по телефону, вошел.

Сегодня они еще не виделись. Винник не был уверен, позавтракала ли седая шестидесятипятилетняя дама с резкими чертами лица. Позавтракала, определился Винник, когда оказался в уже основательно прокуренной каюте: Мария Логинова не курила натошак. А капитан смолил в любое время суток на пустой и переполненный желудок.

– Я получил хорошие новости, – сообщил Винник, принимая приглашение присесть за стол. – Нас встретят и проводят до базы тайские пограничники.

– С собаками? – мрачно пошутила старушенция, глядя в иллюминатор.

– С акулами, – невольно принял ее тон капитан, пригладив стриженные под ежика волосы.

– Как вам сказать, – Логинова собрала на лбу столько морщин, что Винник брезгливо поморщился. – Вы всю дорогу или все плавание, не знаю как назвать, трясетесь за груз – так вы называете картины. Это при том, что вы в курсе: в нашей коллекции нет подлинников, а лишь искусные копии. На корабле только два оригинала: «В водном потоке» Густава Климта – холст, масло, Нью-Йорк, частное собрание, и «Ваза с рыбами и водорослями» Мишеля Эжена.

– Тоже холст-масло? – съязвил Винник. И напоролся на суровый взгляд «Марьи-искусницы», прозванной так корабельными острословами.

– Стекло, резьба, – отрезала она. – Это ваза из частной коллекции.

Вот теща у меня такая же, вздохнул капитан, отбрызнуть запросто может.

Плавание официально называлось благотворительным круизом с заходом, в том числе на открытые военные базы Восточной и Юго-Восточной Азии. Инициатива круиза принадлежала музеям Армении и России и была одобрена в Главном штабе ВМФ и Минкультуры. Цель акции – ознакомление «азиатов» с работами выдающихся маринистов России. В акции приняли участие два иностранца – хозяин полотна «В водном потоке» и владелец «Вазы с рыбами и водорослями». На что Винник в самом начале похода грубо отреагировал: «Была бы у меня какая-нибудь «морская» мазня, и я бы откликнулся на предложение походить по морю на халяву».

Кроме Логиновой, отдельные каюты на судне имели представители Курской областной галереи имени Дейнеки и Армянского общества культурных связей. В этих центрах, как и в Государственном русском музее в Санкт-Петербурге, хранились полотна Айвазовского и других маринистов.

Про копии Марья заметила верно, отметил Винник. Поклонники живописи в Корее, Японии, Китае не подозревали, что созерцают подделки. Они охотно в больших количествах

скупали наштампованные по этому случаю иллюстрации. Так что по большому счету благотворительная акция таковой не являлась.

Во время стоянок в портах «Решетников» превращался в своеобразную галерею. Вдоль бортов на монтажных конструкциях выставлялись картины. Кормовая часть рубки превращалась в магазин, где можно было купить глянцевый постер любой понравившейся работы.

Едва судно отходило от причала, Александр Винник был готов увидеть преследующие его катера. Поскольку посчитать, сколько миллионов долларов развешано вдоль бортов, особого ума не надо.

С другой стороны, если бы в круизной программе были объявлены копии, они не обеспечили бы такого успеха и приличных кассовых сборов.

Все это и тревожило душу Винника с самого начала похода.

С опозданием, он все же решил ответить на вопрос Логиновой:

– Я, пардон, не за мазню беспокоюсь, а за людей. Вы почему-то не хотите понять, что картины – это приманка для пиратов. Слухи о нашей плавучей галерее опережают нас.

– Молва, – проскрипела Логинова. – Хотела бы я посмотреть на пиратов.

Капитан промолчал. Кивнув на прощанье, он вышел из каюты и так же, как и его коллега на флагмане, прошел в нос судна, переступив якорную цепь.

3

Флагман вышел из укрытия, когда расстояние до транспортника колодезного типа с удлиненным баком было не более трех кабельтовых. Рулевой тотчас показал русскому мореходные качества «Интерцептора» – перехватчик набирал скорость, лишь немного уступая глисерам.

Капитан Винник припал к биноклю и тщетно пытался определить классификацию этого веретенообразного судна водоизмещением не больше шестидесяти тонн. Он впервые видел патрульные суда такого типа; на большем расстоянии и при небольшой дымке он принял бы его за всплывшую немецкую субмарину времен Первой мировой войны. Но это был американский катер «войн шестого поколения» типа «Пегас», предназначенный для обеспечения действий спецназа в прибрежных районах и для перехвата быстроходных лодок контрабандистов.

Не больше тридцати метров в длину, стелящийся по воде катер шел, казалось, на таран. На душе Винника отлегло, когда «Морской перехватчик» сбросил обороты и лег на параллельный курс, и его, как к берегу, все ближе стало прибывать к борту «Решетникова». На расстоянии полкабелятова Винник сумел невооруженным взглядом рассмотреть команду в зеленоватой повседневной одежде и шкипера, отсалютовавшего ему по-американски, – сомкнутые пальцы Накамуры коснулись правой брови. Винник также был без головного убора и ответил схожим жестом.

Плюнув на приличия, он снова вооружился биноклем, снова тревога закралась в его душу. Он увидел необычное вооружение на носу катера. За каким чертом им водяные пушки? – недоумевал Винник.

Пока он пребывал в сомнении, Накамура растягивал удовольствие и не спешил атаковать русского, играя с ним. Рулевой по его команде сближался с судном так, словно «Морской перехватчик» действительно прибывало к «Решетникову» волной.

Взгляд Винника наткнулся на название катера – оно подходило ему. Однако имело двойной смысл: интерцептор – это еще и регулируемая пластина на крыле самолета впереди элерона, и служит она для улучшения устойчивости самолета. А это морское судно обладало отличной устойчивостью, то есть было предельно сбалансированно.

Александр Винник попытался выйти на связь с рубкой, но массивная носимая радиостанция изобиловала помехами. Капитан подозвал вахтенного:

– Передай радисту, пусть пошлет сообщение диспетчеру базы: «Сопровождение получил. Спасибо. Просьба классифицировать «Си Интерцептор».

– Есть!

– Одну секунду. Радисту: приготовиться послать SOS по международному каналу.

Где еще два судна, о которых говорил диспетчер? – ломал голову капитан, отпустив вахтенного.

Радист транспортника Вячеслав Минаев маялся с радиоаппаратурой, ничего не понимая. Сняв наушники, он сбежал по трапу и нашел капитана в носу судна.

– Что у тебя? – спросил Винник с нарастающей тревогой.

– Ничего не понятно, Александр Семенович. Каналы забиты. Аппаратура работает в «отказе», – покачал головой Минаев.

– Ищи наименее забитый канал.

«Перехватчик» был уже в пятидесяти метрах. Накамура видел сомнения русского капитана и чувствовал его настроение. Он был артистичен и в этом плане походил на американского пирата Джо Бремера, в прошлом – офицера американских ВМС. Бремер разыгрывал театрализованные действия. Его флотилия, замаскированная под старинные парусники, дого-

няла и окружала грузовые и пассажирские суда. Для пассажиров и членов экипажа «съемки приключенческого фильма» заканчивались, когда за борт цеплялись abordажные крючья и на судне появлялись флибустьеры. Ограбив судно, пираты-артисты уносились на своих быстроходных судах на свою базу.

Еще одно мгновение, и русский капитан поймет все. Его душу уже терзают сомнения, привычно рассуждал Накамура, но он всеми силами успокаивает себя. Он бежит от правды, однако она догоняет его, подхлестывая со всех сторон.

Вот сейчас Накамура скопировал с Джо Бремера. Он потянул из-за спины черную шляпу с роскошным плюмажем и элегантно водрузил ее на голову. Прошло несколько мгновений, и он снял ее, отвесив русскому почтительный поклон с приседанием. Одновременно с дурашливым реверансом на флагшток «Интерцептора» взметнулся черный флаг.

– Пираты! – Только сейчас до Винника дошла вся правда. Он смотрел ей в глаза... и боялся увидеть истинное положение вещей.

– Пираты!! – выкрикнули еще несколько человек на транспортнике.

Накамура стоял у борта: в левой руке шляпа, пальцы правой руки поглаживают рукоятку малого самурайского меча кодати. Он не считал меч своей душой, святыней и фамильной драгоценностью – таковым меч не был. Кодати достался ему в качестве трофея во время нападения на японское судно. Меч был изготовлен в четырнадцатом веке мастером Мура-маса и, согласно легенде, прошел испытание: клинок погрузили в ручей, и листья, плывшие по течению, при прикосновении к мечу рассекались надвое. Для Накамуры это была лишь сказка.

– Покажите-ка ему наши «самострелы».

«Пушки» развернули линеметы в сторону «Решетникова». Накамура надел шляпу и свободной рукой отдал команду: «Пли!»

Линеметы отстрелялись abordажными крючьями. «Кошки» перелетели через леера «Решетникова» в районе колодца – самого низкого места на этом морском транспорте; обратный механизм линеметов тут же натянул тросы. Рулевой повернул штурвал, резко сближаясь с судном.

– Полный вперед! – выкрикнул Винник на ходу в рубку. С таким же успехом он мог отдать команду «Стоп, машина!» – перехватчик по скорости и маневренности превосходил его судно в разы.

Он не был уверен, прошел ли сигнал бедствия по международному каналу. Помехи в радиии и объяснения радиста подсказали ему: пираты предусмотрели все, в том числе и заглушили все радиочастоты. И – еще одно обстоятельство. Теперь он знал в лицо человека, с которым беседовал в эфире.

«Спасите наши души!» Для Винника это стало главным. Главное – не допустить беспредела, избежать жертв. Save our ship¹. Сейчас Винник на своем примере понял, почему в сигнале бедствия слово «корабль» заменили словом «души».

Едва Винник открыл дверь в рубку, услышал усиленный громкоговорителем голос:

– Капитан, остановите судно! Иначе я открою огонь всеми огневыми средствами. Их у меня больше, чем вы думаете.

Да, он прав, простонал Винник. Он увидел те недостающие катера. Такие же черные, как и «Интерцептор», они на высокой скорости обогнали «Решетникова» и уставились на него пулеметными стволами и жерлами гранатометов.

– Стоп, машина!

¹ «Спасите наш корабль» – самый первый вариант международного сигнала бедствия, даваемого по радио гибнущими судами или самолетами.

Едва чувствуемый толчок – это «Интерцептор» столкнулся с «Решетниковым» бортами, – и на палубу российского судна высыпали пираты.

Ими руководил кряжистый американец Скип Зинберг. С белыми, как снег, седыми волосами, вооруженный пулеметом с корочатым питанием, Скип отдавал привычные команды:

– На мостик! В машинное отделение! Вторая палуба!

Накамура ступил на борт захваченного судна и походкой вальяжного человека поднялся на мостик.

С бледным лицом и трясущимися руками Винник начал было:

– Это незаконно! Вы...

– Бросьте, капитан, – Накамура лениво махнул рукой. – Вы мне еще лекцию по морскому праву прочтите. Знаете, что вы должны сделать? Сказать мне спасибо за творческий подход.

– Чего вы хотите?

– Вы знаете, капитан: картины из ваших музеев.

Было странно видеть на посеревшем лице Винника улыбку. Потом он разразился нервическим смехом. Он сказал то, чего не должен был говорить ни при каких обстоятельствах! Он невольно выписал смертный приговор своей команде и людям, за которых он отвечал головой.

– Интересуетесь подделками? На борту копии!.. Вы в своем уме – как вас там зовут? Только не Дэйв Аркуш.

– Меня зовут Шон. Шон Накамура. – Японец, назвав свое имя, поставил своего рода росчерк под смертным приговором...

Теперь и он побледнел. «Правда, – прострелило откровение в голове Накамуры. – Это чертова правда!» Ему не требовалось доказательств – они были художественно выписаны на лице русского капитана.

«Обмануть собственных воинов, обещав им легкую победу», – снова пронеслось в его голове. Он сам влез в их шкуру. Всю информацию о судне-галерее он получал из самого надежного источника и по определению не мог посчитать ее непроверенной. Со всей России и окрестностей собирают всего Айвазовского и подвергают картины неоправданному риску: в случае катастрофы на море ко дну навсегда уйдут мировые шедевры. Уже сейчас русские художники растут в цене, каждое полотно – миллионы долларов. Именно в таком ключе он получил предостережения и не принял их как приказ – не трогать российское судно. Все это время в нем теплилась надежда: «А вдруг?..» И вот сейчас кровь взыграла в венах Накамуры, вытворяя с ним что-то невообразимое.

...Словно отвечая русскому капитану, японец растянул непослушные губы в улыбке. Облизнув их, он в полном молчании покинул мостик.

Безразличие завладело всем его телом и мыслями. Он смотрел и не видел деревянные ящики, которые его боевики складировали у правого борта. Он насмехался над теми, кто, сорвав с ящиков крышки, любовался полотнами великих русских мастеров и видел в них блеск золота. Впрочем, у него оставался шанс проверить слова капитана.

Взгляд Накамуры вырвал из толпы русских моряков пожилую женщину.

– Кто вы? – Шон медленно подошел к ней. – Представьтесь, пожалуйста. Говорите по-английски?

– Разумеется. Мария Логинова, – последовал ответ. – Заведующая Дагестанским республиканским музеем изобразительных искусств.

Накамура удивленно приподнял бровь. Голос Логиновой по-старчески дребезжал, но не дрожал от страха.

– Вы-то мне и нужны. – Он поманил ее и остановился напротив тары. Жестом приказал Скипу Зинбергу взять картину в руки. – Как называется это полотно? – спросил он у Логиновой.

– «Буря на Черном море». 1875 год. Курская областная...

– Достаточно, – перебил японец. – Кто автор?

– Как кто? Айвазовский Иван Константинович, конечно.

Накамура освободил меч от ножен и коснулся острием кодати левого верхнего края картины, вершины скалистого берега, о который бились водяные валы. Он чуть нажал на меч, не спуская глаз со старухи, и быстро, словно делал харакири, вспорол полотно...

Да, он что-то заметил на лице женщины – капельку разочарования, но не то, на что все еще рассчитывал.

Это правда...

Искусство обмана состоит в том, чтобы сначала обмануть, а потом не обманывать.

Накамура медленно убрал меч в ножны, но не выпустил рукоятки. Он поглаживал ее, как и во время абордажа, потом крепко сжал. Затем повернул рукоять...

Логинова стала для него олицетворением поражения, самообмана. Ее невозмутимость разжигала в груди Накамуры лютую ненависть. Старуха что-то говорила, только Шон не слушал ее. Он стоял к ней вполоборота и смотрел в сторону моря, которое под его взглядом только что не закипело и не потопило флагман. Все, как на картине...

Глаза японца налились кровью. И когда его голова была готова лопнуть от неимоверного давления, он выхватил меч и одним точным сильным ударом снес женщине голову. И проследил за ней взглядом – она откатилась к ногам Винника и замерла. Русский капитан смотрел на нее несколько мгновений, затем рухнул рядом, потеряв сознание.

Взгляды Накамуры и Зинберга встретились.

– Всех в расход, – еле слышно распорядился Шон.

Он вынул из кобуры браунинг с магазином на пятнадцать патронов и выбрал новую жертву: представительницу Армянского общества культурных связей. Он выстрелил ей точно в переносицу и, сместив «ствол», поймал на мушку стоящего рядом матроса. Вслед за этим раздалась длинная очередь из пулемета, огня добавили автоматы и пистолеты... Прервался чей-то крик:

– Я американец! Из Нью-Йорка! Моя картина...

– Не имеет значения, – снова еле слышно прошептал Шон.

Он срезал корабельный колокол и спустился по веревочному трапу на палубу «Интерцептора». Там он почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Он точно знал, что в рубке никого нет, но представил того, кому могли принадлежать детские глаза за стеклом рубки. Они смотрят на него, с головы до ног забрызганного кровью, с мечом и колоколом поверженного им корабля...

Накамура тряхнул головой, прогоняя наваждение.

4

«Интерцептор» шел курсом на север на огромной – около девяноста километров в час – скорости. От него шарахались чайки. От его вида бледнели капитаны встречавшихся на пути судов; их дрожащие голоса бросали в эфир: «Вижу «Интерцептор»! Курс... Скорость...» Неуловимый, чернее ночи пиратский перехватчик наводил ужас на все, что двигалось по Сиамскому заливу, и все, что пролетало над ним. Два вертолета береговой охраны Вьетнама, перехватившие сообщения капитанов, шли наперерез «летучему голландцу». Летчики «Ми-24» видели прицельную помеху в секторе пеленга, назначение которой – помешать обнаружению пиратского флагмана. Но их первая задача – опознать «Интерцептор» визуально.

Вьетнамские пилоты управляли грозными машинами и были уверены в себе и огневой мощи ударных вертолетов. Под ними всего лишь катер, с высоты казавшийся обугленной щепкой, обломком разорвавшегося морского судна. Однако «щепка» мчалась по воде с приличной скоростью, всего лишь втрое уступая крейсерской скорости винтокрылых машин.

– Вертолеты, Шон, – доложил Райнер.

– Отлично, – сухо обрадовался Накамура.

Он вышел на палубу и, заслонившись от солнца рукой, глянул в небо.

– «Хайнды», – Накамура назвал русские «вертушки» согласно классификации НАТО. Скрестив на груди руки, он обернулся, показывая этот жест рулевому. Тот сбросил скорость. – Слип, готовьте «стингер», – последовала очередная команда капитана.

Время действий Скипа Зинберга и стрелка-оператора исчислялось мгновениями. Оператор подключил батарею блока энергоснабжения и охлаждения к бортовой сети ракеты через штепсельный разъем, а емкость с жидким аргоном к системе охлаждения – через штуцер. Слип легко, без видимых усилий бросил шестнадцатикилограммовый ракетный комплекс на плечо и первым делом поймал цель в оптический прицел.

– Не жди от меня команды, Слип, – на всякий случай предупредил ветерана Накамура.

К этому времени «Интерцептор» шел на самом малом.

Шон видел «вертушки» невооруженным взглядом. Они могли атаковать «Интерцептор» неуправляемыми ракетами или управляемыми «скорпионами». Но прежде должен дать предупредительную очередь из пушек или четырехствольных пулеметов поперек курса флагмана. А перехватчик, сбросив скорость, показывал летчикам, что не собирается уходить от преследования.

Слип перевел спусковой крючок «стингера» в первое рабочее положение, активируя блок энергоснабжения и охлаждения. Гироскопы раскрутились, готовя ракету к пуску. «Хайнд» торчал в прицеле сопровождения цели и был обречен. Вьетнамские пилоты угодили в западню и перед фактически сдавшимся судном не стали отстреливаться тепловыми ловушками, разве что включили инфракрасную систему создания помех «Липа».

Слип перевел спусковой крючок во второе рабочее положение, активируя бортовую батарею. Моментально сработал воспламенитель стартового двигателя ракеты, и она с оглушительным шипением вылетела из пускового контейнера. Стартовый двигатель отделился после десяти метров полета ракеты, в работу включился маршевый двигатель и разогнал ее до скорости два Маха.

Только что в небе было два вертолета. Теперь один и то, что осталось от второго, – огненный шар, рассыпающий вокруг горящие обломки.

– Он кое-чему научился, – с усмешкой заметил Накамура. Второй «Хайнд» резко сошел с курса и, отстреливаясь наконец-то ловушками, стал набирать высоту и уходить прочь от смерти, поселившейся в капитанской каюте «Интерцептора».

Команда «Полный вперед!», и флагман возобновил движение.

Через тридцать минут бешеной гонки судно вошло в островную бухту. В самом ее конце открылись решетчатые шестиметровые ворота, замаскированные вьющимися тропическими растениями, и рулевой провел «Интерцептор» в грот, где остановился впритирку с острыми гранями этой природной пещеры.

Накамура первым покинул борт судна. Прежде чем выбраться из грота через люк по металлической лестнице, капитан без особого воодушевления поблагодарил команду:

– Хорошо поработали, ребята...

Малазийские пограничники натолкнулись на российский корабль поздно вечером. Он молчаливой громадой вторгся в территориальные воды Малайзии и на запросы по радио и громкоговоритель не отвечал. Пользуясь прикрытием огневых средств второго патрульного катера, пограничники рискнули подняться на борт.

Командира группы едва не вырвало от картины, представшей перед его ошалелыми глазами. Верхняя палуба была усеяна трупами. Запекшаяся кровь выкрасила палубу в красный цвет...

Военные сообщили об инциденте на базу и обшарили все судно. В машинном отделении они нашли радиста. Минаев забился за дизель-генератор, мотал головой и твердил, как сумасшедший, одно и то же: «Нет, нет! Нас не слышат...»

Лишь две недели спустя в госпитале Куантаны он дал показания, с трудом и страхом выговорив название пиратского судна: «Си Интерцептор».

Глава 2 НАДЕЖДА

1

Вашингтон... два года спустя

...Она уже во второй раз назвала свое имя и сокращенное название агентства, в котором возглавляла отдел дешифровки, и все больше недоумевала: какого черта медлит этот недоумок! Почему бы ему просто не ответить на приветствие? Что, для этого нужно вторично поздороваться?

– Меня зовут Николь Накамура, – снова представилась женщина, не скрывая раздражения. – Я работаю в Агентстве национальной безопасности.

Николь была одета в белые брюки и ярко-синюю джинсовую куртку с броскими желтыми строчками. Сейчас все клепки на куртке были расстегнуты, показывая белоснежную майку.

Сегодня Николь проснулась рано – не было и семи. Она никуда не торопилась, тем не менее на прическу затратила не больше пяти минут. Просто разделила волосы, стриженные «под мальчика», на косой пробор, зачесала прядки и зафиксировала их лаком. От укладки и следа не осталось – едва она вышла из гостиницы на улицу, как сразу же попала под шквалистый порыв ветра.

Николь посмотрела в окно. Полицейский в солнцезащитных очках, поставив ногу на колесо ее «Хендая», заполнял на колене квитанцию. Сейчас он оттянет «дворник» и отпустит его, ловко подставив к стеклу квитанцию об уплате штрафа, и ленивой походкой направится к следующей машине.

Человек, сидевший напротив Николь, часто завтракал в этом кафе с русским названием «Витязь». Во всяком случае, Николь, приезжая из Форт-Мида в Вашингтон на один или два дня, всегда видела его в этом кафе. Иногда он приезжал чуть раньше и тогда мог позволить себе выпить две чашки кофе и неторопливо выкурить сигарету. Когда у него не хватало времени, он проезжал мимо и, скорее всего, пил растворимый кофе в российском посольстве. Это даже не привычка, а некий ритуал, настройка на рабочий день. Николь по себе знала, что значит иметь свой уголок, где тебя ждут приветливые взгляды официантов и завсегдатаев.

Она не знала, как часто он заезжает в кафе после работы. Ей было достаточно одного визита этого человека в «Витязь» в начале восьмого вечера. То случилось ровно шесть месяцев назад. Выбор пал на поддержанную, но все еще солидную машину марки «Додж» серебристого цвета. Она выехала из ворот российского посольства, и Николь на своем «Хендае» увязалась за ней. Когда водитель остановил машину напротив кафе и вскоре скрылся за стеклянными дверями, Николь расценила это как профессиональный ход посольского работника: если он принадлежал к разведке, то наверняка заметил слежку. С другой стороны, «хвосты» – постоянные спутники как оперативников, работающих под прикрытием, так и карьерных дипломатов. Накамура знала и другой факт: ФБР частично переключила свое внимание на терроризм. Теперь для наблюдения за русскими уже нет достаточного количества бригад контрразведки.

Она записала номер его машины и на следующий день сделала на него неофициальный запрос.

– Вас зовут Михаил Иванов?

– Допустим.

«Черт бы побрал этих русских!» – выругалась она. И выплеснула злость и недоумение в лицо этому человеку.

– Вы готовы платить за геологические карты любой части США, включая военные базы. Это при том, что в магазинах за десять долларов можно купить любую карту. Готовы платить за информацию по стоимости содержания американских военных баз за границей. Однако эти данные можно получить бесплатно: просто найти эту базу в телефонном справочнике Пентагона, доступном любому человеку, и позвонить туда. При этом никто никого не будет обвинять в шпионаже. Я ни цента не затратила на то, чтобы узнать ваше имя. Открыв электронную версию документа, озаглавленного «Список сотрудников СВР и ГРУ в Америке», я нашла среди прочих вашу фамилию. Кроме того, ваше имя фигурировало в диплистах, списках сотрудников посольств и консульств России в нашей стране. В распоряжении АНБ – а эта мощная служба, которая занимается электронной разведкой и противодействием информационным атакам, – есть ваши установочные данные и фотографии. Я без труда получила их, задействовав на этом этапе своего знакомого из агентства.

– Вы работает в АНБ. Значит ли это, что меня сегодня в кафе обслуживают бесплатно?

– Это означает вопрос. Вас, российских разведчиков в нашей стране, за последние годы прибавилось вдвое. И я хочу спросить: лично для вас поездка в Штаты – это награда, возможность кайфовать вдали от родины? Не хотите отвечать на этот вопрос?

Николь резко подалась вперед и буквально задышала в лицо собеседнику.

– Послушайте, вы, тупица, дело не в том, есть ли у меня информация для вашего резидента! Я занимаюсь дешифровкой данных в Агентстве национальной безопасности, «сিжу на анализе», и этим все сказано.

– Извините, я вас не понимаю. Я удивлен вашей настойчивости. Вероятно, вы меня с кем-то перепутали?

Все, это конец разговора. Николь даже не пыталась продолжить его, дабы не выставить себя упрямой, а значит, некомпетентной дамой.

Она встала из-за столика и поправила сиреневую салфетку.

– Извините, вы мне просто понравились, и я таким оригинальным образом решила с вами познакомиться. Я тоже часто завтракаю здесь, завтрашний день – не исключение. Следующие двадцать семь дней я буду отдыхать в Испании. Конкретно – в городке Мальграт.

Рассчитавшись в кассе за завтрак и оставив щедрые чаевые, она вышла на улицу. Сняв со стекла «Хендая» квитанцию, положила ее в сумочку. Заняв место за рулем, несколько мгновений посидела с закрытыми глазами.

2

Резидент российской военной разведки Валентин Расстегаев принял подчиненного немедленно. Лет сорока, небольшого роста, предпочитающий строгим костюмам клубные пиджаки и отличающиеся от них по цвету брюки, он переспросил Иванова:

– Она назвалась Николь Накамура?

– Да, Валентин Сергеевич.

Расстегаев неторопливо раскурил трубку.

– Броская фамилия.

– Не для японки. Очень распространенная фамилия. Я знаю теннисистку и футболиста с такой фамилией. Есть еще актер Накамура – он вроде бы играл женские роли. А моя собеседница «белой» сборки. Может быть, замужем за японцем.

– Опиши внешность этой дамы.

– Ей примерно тридцать три года. Типичная американка – трудно понять, умна она или глупа. Она не дура, которая корчит из себя умницу. Если перефразировать нашего классика, то в ней все красиво: и глаза, и губы, и фигура. Даже очки ей к лицу. Понимаете, если бы она заявила о себе как о клерке в банке, я бы поверил, как не усомнился бы в ее причастности к трупке из ночного клуба. Правда, росточком она не вышла, – Михаил чуть приподнял руку, – метр шестьдесят, не больше.

– С Мадонну, – сравнил резидент.

– Ну да. Она пару раз улыбнулась – явно натянуто, но не беспомощно, может быть, чуть потерянно. Опять же – красиво и согласно ситуации.

– Не играла?

– В эти моменты мне показалось – нет.

– Значит, ее общее настроение... – Расстегаев вопросительно приподнял бровь.

– Просматривается утраченная надежда на диалог.

– Николь Накамура, – еще раз повторил резидент. – Подходит ей это имя?

– Я как раз хотел сказать об этом. Нет. Это не ее настоящее имя.

– Насколько часто ты сталкивался с подобными ситуациями, чтобы сделать такой вывод?

– Нечасто, – откровенно признался Иванов. В разведшколе ему давали схожие задания. Клади перед ним фото человека, внешность которого он тщательно изучал, давал ему имя, а затем переворачивал снимок и на обратной стороне читал его имя. Задача – из области вероятностей: определить, подлинное ли имя он дал. Он развивал в себе навыки из области «принято думать», что отвергало конкретику, но понуждало к анализу.

Он и резидент – люди разных поколений, раскручивались по-разному, но из одного источника. И вот сейчас они рассуждали одинаково, словно читали мысли друг друга. Собственно, ситуация в кафе «Витязь» просилась называться провокацией со стороны американских спецслужб.

Такой способ провокации еще долго не устареет, полагал Расстегаев. Это всегда давление на противника. Собственно, речь шла о правилах игры. И в этом конкретном случае российская сторона обязана предъявить американской стороне ноту протеста со стандартным содержанием.

– Может, Николь Накамура сама захотела, чтобы наша разведка заинтересовалась ее персоной, – вслух, дабы не оставалось белых пятен, рассуждал резидент.

– Разумеется. Только не видно мотива. Проблемы с трудоустройством? Но она работает на АНБ.

Агентство национальной безопасности размещается в огромном комплексе зданий армейской базы Форт-Мид, штат Мэриленд, и организационно входит в состав Министерства обороны. АНБ занимается радиоэлектронной разведкой: прослушивание радио и телеэфира, телефонных, компьютерных, факсовых аппаратов, радаров и любых других излучающих систем. А также обеспечением безопасности линий связи, расшифровкой и разработкой шифров, закрытой перепиской военного и правительственного аппарата. В состав АНБ входят три основных подразделения: управление радиоразведывательных операций, защиты коммуникаций и научных исследований.

– Как она вышла на меня? – вслух рассуждал Иванов.

– Это не самое слабое место. Она же объяснила тебе все шаги и ступени, по которым поднялась до тебя. Она права – дело, по большому счету, не в ее мотивах, а в ее принадлежности к АНБ. Лет двадцать назад любой на моем месте дал бы команду на повторную встречу.

Лет двадцать назад в распоряжении американских спецслужб имелись установочные данные и фотографии практически на любого гражданина СССР, выезжающего на Запад, за пределы соцстран в служебную командировку, туристом или по частному приглашению. Такие материалы ЦРУ регулярно получало через спецслужбы дружественных или союзных США государств. Помимо этого американцы без особого труда добывали списки пассажиров различных авиакомпаний, морских и океанских судов, услугами которых могли пользоваться советские разведчики.

– Так что насчет моего завтрака в «Витязе»? – нарушил молчание Иванов.

В любом случае он отменяется, вертелось на языке резидента. Николь Накамура придет раньше и оставит под салфеткой кое-какие данные, касающиеся АНБ и российского разведчика, как только он вытрет губы салфеткой, его арестуют.

Расстегаев без труда представил записку в местной газете: «При проведении конспиративной встречи с агентом был задержан сотрудник вашингтонской резидентуры ГРУ Михаил Иванов, по совместительству исполнявший обязанности третьего секретаря российского посольства. Взятый с поличным шпион был доставлен в ФБР, откуда его в соответствии с дипломатическим протоколом вызволил консул России. Прикрытие, которым пользовался русский шпион, – официальное, предоставленное в распоряжение ГРУ Министерством иностранных дел. Иванов, пользующийся прикрытием МИДа, защищен дипломатическим паспортом».

– Не исключено, это зондажная акция с целью возможной дальнейшей вербовки, – вслух рассуждал Иванов, помня и о том, что в неофициальном соревновании спецслужб взятие с поличным разведчика, работающего под дипломатической крышей, считается высшим достижением. И не посмел открыться перед шефом в других мыслях. Резидент обменивается шифровками с Москвой, а там наверняка пожертвуют рядовым разведчиком. Зондажная эта акция, другая ли, но перспектива (пусть она пока немотивированная) занять своего агента на дешифровке в АНБ стоила десятков провалов рядовых тружеников плаща и кинжала. На мотивы в Москве наплюют, переключат другими, более звучными напевами. Скандал с выдворением очередного разведчика – уже не скандал, а рутина. Их десятки тысяч высланных.

3

Николь с трудом дождалась утра, проведя бессонную ночь в мотеле. Ставила себя на место русского резидента, находила много причин отказаться от повторной встречи; чаша весов колебалась то в одну, то в другую сторону.

На парковочной площадке заработал двигатель мощного «Питербилта», и через пару минут многотонный грузовик тронулся в сторону Балтимора. Николь стояла у окна и провожала его глазами. Седовласый водитель грузовика чем-то напомнил ее похожего на карапуза отца – Томаса Йорка, – вечного неудачника с пивным животом. Он мечтал накопить денег и провести остаток дней в Майами. Сейчас ему пятьдесят шесть, он ищачит в соляных шахтах под Гуроном. Экономит каждый цент на севере, чтобы сдохнуть на юге. Он каждый год просматривает красочные буклеты и меняет заманчивые участки, убегающие от Майами к тому же северу.

Николь уже не помнила, когда последний раз звонила родителям. Кажется, прошло больше года. Пока что мать терпит его – Томас целый день на работе и возвращается домой за полночь. Но что будет, когда он выйдет на пенсию, будет торчать на глазах у жены и совать нос в каждую мелочь. По всему миру так. Даже в Японии. Глаза Николь сузились до щелочек.

Около года назад в агентстве Николь предоставили отпуск и выходное пособие на четыре недели. Вот уже семь месяцев она не работает в АНБ, однако путевка на испанский курорт и дорога оплачены и лежат на ней мертвым грузом. Еще до встречи с русским разведчиком Николь приняла решение: в столичном бюро она обозначила дату вылета в Испанию и согласно обязательствам доплатила в кассу незначительную сумму как пеню, набежавшую за эти двенадцать месяцев. Она полагала, что повторная встреча на «нейтральной» территории будет выгодна обоим сторонам.

«Черт бы побрал этих непредсказуемых русских! – повторилась Николь. – Примут они мое предложение? Обязаны принять!»

Она поежилась – возле окна было холодно. И вообще в номере холодно. Что окончательно заглушило мысли о чуть тепленьком душе.

Николь умылась и вышла во внутренний дворик мотеля. Отказалась от идеи позавтракать в баре, усмехнувшись над хаосом, царившим в ее голове. Она собирается в Вашингтон, до которого около полутора часов пути на машине, и там позавтракает в компании с русским разведчиком. Или просто выпьет чашку кофе. Лишь бы он пришел. Как все просто...

И горечь, разлившаяся в груди: она прождала Иванова в «Витязе» около получаса...

Николь бросала частые взгляды в окно в надежде увидеть серебристый «Додж». И вздрогнула, когда напротив нее остановился парень в джинсовой куртке. В одной руке он держал букет цветов, в другой конверт.

– Мисс Накамура?

– Да, – она смотрела на него поверх очков.

– Здравствуйте! Вам просили передать. – Посыльный цветочного магазина протянул ей букет, запечатанный конверт положил на край стола и ответил улыбкой на попытку Николь вручить ему чаевые: их он уже получил от клиента, сделавшего в магазине заказ.

Николь вскрыла конверт и прочла на листке тисненой бумаги:

«Испания. Мальграт. Ресторан „Сельмар“. 7 марта. Четыре часа после полудня».

Она улыбнулась. Это уже кое-что. Нет, не кое-что, это контакт.

Глава 3

ПАУЗА МОЛЧАЛИВОГО ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

1

Испания

Два испанских городка Мальграт-де-Мар и Санта-Сусана настолько тесно прижались друг к другу, что гости этих бывших рыбацких деревень, ставших курортными центрами, порой не распознают между ними границ.

Евгений Блинков и Николай Кокарев приехали в Мальграт на сером «Пежо» в начале третьего, потратив на дорогу больше часа. Трасса E15 шла вдоль средиземноморского побережья и была хорошо знакома агентам флотской разведки. Блинков часто сравнивал испанские курортные зоны, городки и гостиницы на любой вкус и всегда приходил к мнению: отель «Берег мечты», ставший для агентурной группы базой и прикрытием, – лучший на всем побережье.

Николай припарковал машину на платной стоянке на окраине Мальграта. Парни прогулялись до ресторана «Сельмар», расположенного в старой части города, минуя застроенные сувенирными лавками, кафе и бутиками улицы.

Они заняли места за дальним столиком и заказали кофе. Блинков попросил официантку принести свежую газету. Он успел оглядеться и пока среди немногочисленных посетителей этого, по сути, рыбного ресторана не заметил женщину, чью фотографию и описание он получил накануне лично от начальника разведки флота, прибывшего на испанскую базу.

Снимок Николь, судя по всему, был сделан из салона авто через окно кафе «Витязь». На фото остались блики от витринного стекла – концентрические радужные пятна и прямые, как стрелы, диагональные отсветы, словно указывающие на объект военной разведки. Это обстоятельство настроило Блинкова на мистический лад: на его взгляд, эти световые копья указывали на жертву, как в знаменитом триллере «Оман».

Последние сорок восемь часов агенты провели в тревожном ожидании. Имея минимум информации, они все же пришли к определенному выводу. Руководство «Аквариума», заинтересованное в контакте с сотрудницей АНБ, не решилось отправить на повторную встречу действующего разведчика, дабы избежать очередного «шпионского скандала». Зачем? – спрашивал себя Блинков, мрачняя от этого короткого вопроса, находя длинный ответ. Дело, по большому счету, не в рядовых агентах, а в руководителе агентурной группы капитане 2-го ранга Абрамове. Можно пожертвовать отставным разведчиком, благо его подразделение дислоцировалось в Испании. Агенты Абрамова имели «глубокое» прикрытия, относились к категории разведчиков, работающих под видом бизнесменов, журналистов и так далее. У них не было дипломатического иммунитета в стране пребывания, и тем самым они рисковали в случае своего провала оказаться под арестом.

– Все верно, – продолжал развивать наболевшую тему Кокарев, следя глазами за пухленькой официанткой. – И все же я шизею от ломового приема наших боссов. А на него если и есть контрвыпад, то с аналогичной железякой. Они обозвали клиентку из АНБ контактером и обменялись с ней записками. Вроде она с места в карьер получила что-то типа испытания: хочешь пахать на нас, детка, сделай то-то и то-то. Все, как в наших сказках: дурачка посылают незнамо куда принести неизвестно что, а тот всегда возвращается с молодильными

яблоками, заморской девкой и «дипломатом» с деньгами, причем значительно похорошевшим. Что ты так посмотрел на меня, Джеб? Подмена пола тут ничего не меняет: американская дура, мечтающая об американской же мечте.

– Контактер, – Джеб усмехнулся над этим словом, придуманным фантастами. – Я знаю другое слово – контактор, более подходящее к нашей миссии.

– Контактор? Что это за ерунда?

– Это электрический аппарат, предназначенный для дистанционных включений, выключений и переключений.

– Ну надо же... Нам стоит это попробовать.

Блинков сравнил себя с жертвенным ягненком и с соответствующим настроением поджидал включения силовых цепей.

По идее, на встречу с американкой должен был прибыть сам капитан Абрамов. Однако в силу ряда обстоятельств он не мог вылететь самолетом из Киева, где в данный момент завершал операцию, начавшуюся в первых числах февраля. Блинков представил его здесь, за этим столиком. Абрамов для встречи с Накамурой готовит одну из самых любопытных улыбок.

Впрочем, Блинков отогнал возникшие у него мысли, едва увидел женщину лет тридцати, в которой тотчас узнал Накамуру. Одета в белую блузку-рубашку, воротник которой выглядывал из-под сиреневого пуловера, оживлял его цвет и словно отвлекал внимание от высокой груди, женщина заняла место за свободным столиком. Джеб успел отметить, что она не сменила укладку: все та же растрепанная стрижка «под мальчика», будто она специально перед зеркалом укладывала локон к локону так, как и во время встречи с российским разведчиком в «Витязе».

– Она, – подал знак Кокарев.

– Вижу, – отозвался Блинков. Он дал ей время сделать заказ, выпить коктейль, немного освоиться в самобытной атмосфере этого ресторана. И себе дал время понаблюдать за посетителями, определяя в них возможных оперативников наружного наблюдения. Впрочем, с точки зрения жертвы, это принципиального значения не имело.

– Снимайся с якоря, – отдал команду Кок, – и бросай его в другом месте. Скажешь ей: «Фани Юбенкс из Омахи? Очень приятно. Я от Кока». Она не станет задавать вопросов. А это значит, впереди нас ждет награда.

– Для меня лучшая награда – час без тебя.

– Вот увидишь, Джеб, она тебе скажет: «Мой отец алкоголик, мать проститутка. Дед и бабка – алкаш и шлюха – умерли от обжорства. Мой отчим изнасиловал меня, когда мне было десять лет. Поэтому я стала курить травку. Дальше меня замучили хронические мигрени, и врач прописал мне депрессанты. А дальше у меня случился выкидыш – мой парень оказался наркоманом, и я с горя пошла на панель. Там меня заметил шеф АНБ: «Переспим, красотка?»

Блинков научился не слышать болтовню Николая. Он затушил сигарету в пепельнице и подошел к столику американки.

– Не против, если я составлю вам компанию? – спросил он на чистом английском. Наверное, именно безукоризненное произношение произвело на женщину впечатление. Блинкову показалось, она напряглась, увидев в нем своего соотечественника. Она быстро взяла себя в руки и пожала плечами:

– Пожалуйста.

Джеб занял место напротив, подозвал официанта и попросил принести москатель.

– Отличное вино, – пояснил он. – Я пару лет живу в Испании и знаю толк в винах. – Он чуть задержал свой взгляд на ярких губах женщины, на ее высокой груди и закончил в стиле мачо: – И не только в винах. Меня зовут Женей. Близкие называют меня Джеб. А вы?..

– Николь Накамура, – ответила она, пристально рассматривая собеседника: фотогеничного, как ей показалось, длинноволосого, лет двадцати восьми, спортивного телосложения парня.

– Мне выпала не очень приятная миссия извиниться перед вами. – Блинков выдержал короткую паузу еще и потому, что невольно подстраивался под капитана Абрамова. Можно подражать ему, брать пример, учиться у него, но, увы, нельзя стать капитаном Абрамовым. – Назовем это инцидентом с записками, – закончил Джеб фразу, недовольно поморщившись. – Не знаю, как поступил бы я на месте моего руководства, но начальству всегда виднее, правда? Ведь каждый, кто оказывается наверху, первым делом плюет вниз. Определим приоритеты. Я частное лицо и руковожу частной же организацией.

– Меня этот вариант устраивает. В каких рамках ваше руководство перестраховалось в этом вопросе?

– Как таковые, рамки не очерчены. Все будет зависеть от ваших условий. Ведь у вас есть условия?

– Да.

Николь проследила глазами за ловкими движениями официанта – тот принес вино, налил в бокал и стал ждать реакции Блинкова, отпившего глоток.

Тот кивнул, и официант удалился. Блинков налил вина в бокал Николь и поднял свой в молчаливом тосте. Они выпили.

– Я согласна работать на вас при одном условии, – продолжила Николь. – Вы должны ликвидировать одного человека и предоставить доказательства его устранения.

– Кто этот человек?

– Мой муж.

Джеб искренне и громко рассмеялся, привлекая внимание посетителей ресторана.

– Извините, Николь, но я вынужден повториться. Кто ваш муж?

– В первую очередь он скотина. Его зовут Мориака Накамура. Он японец, родившийся на пути в Америку. В каюте третьего класса океанского лайнера, – дополнила она не без яда. – Третий японцев ответит на вопрос, кем бы он хотел родиться, явившись на свет заново...

– Американцем, – опередил ее Джеб. – Кем же еще.

– Да. По сути, эту проблему мой муж, который взял себе имя Шон, решил «попутно». Себя он в шутку называет хэнна гайдзин, что означает – странный иностранец. Он иностранец в Америке и на исторической родине.

– Американцев японского происхождения называют нисэями.

– Да, он натуральный нисэй, – проговорила американка, что из ее уст прозвучало как «натуральная свинья».

– Еще вина?

– Чуть-чуть. Достаточно, – Николь остановила его жестом руки. – Спасибо.

– Имя вашего мужа мы выясняли. В какой организации он работает, какой пост занимает?

– В другой ситуации я бы ответила: неважно. Вижу, вас двое, – она указала глазами на Николая Кокарева, сидевшего за дальним столиком кафе. – И это неважно. Вас не должны волновать и мотивы, которые понудили меня к этому резкому шагу. Мое обращение к вашей военной разведке не случайно. Ваше руководство также заинтересовано в устранении Накамуры, капитана «Си Интерцептора». Доложите о нашем разговоре вашему руководству. Встретимся завтра в семь вечера здесь же. Мориака Шон Накамура, «Си Интерцептор», запомнили? Имя и название катера исключит попытки вашего начальства выяснить мою принадлежность к Агентству национальной безопасности.

– Надеюсь на это.

– Всего доброго!

Николь оставила Джеба одного за столиком и легкой походкой вышла из ресторана.

Блинкову показалось, что после ее ухода в зале повисла тишина. Наверное, оттого, что Николь, прежде чем уйти, выдержала паузу, окутав его неким молчаливым взаимопониманием. На японском языке это выражается одним словом – ёросику и означает примерно следующее: «Вы поняли, что я хочу сделать. Я понял, что вы поняли, что я хочу сделать. Поэтому я полностью полагаюсь на вас и рассчитываю, что вы сами доведете это дело до конца именно так, как я хотел бы это сделать. И я благодарю вас за то, что вы поняли меня и согласились взять на себя труд выполнить мое желание».

Джеб снова усмехнулся: жаль, Кок не знает японского языка, иначе он стал бы самым молчаливым на свете парнем.

Он вернулся к Кокареву. Тот расплачивался с официантом ворча:

– Мы вроде кофе пили, а платим как за грузинское «Паленое».

2

Адмирал Школьник давно облюбовал двухместный номер на втором этаже гостиницы и каждый раз останавливался в нем, с видом на пляж и необъятное Балеарское море. На одной кровати начальник флотской разведки спал, на другой раскладывал свои вещи. Словно пресытившийся за долгие годы морем, адмирал все свободное время проводил за бильярдным столом. Не так давно он освоил новую, «чисто английскую» технику удара, когда кий плотно прижимается к груди и скользит для более точного прицеливания по центру подборка. Освоить освоил, однако лупил по шарам по-русски размашисто, что есть силы. После удара едва успевал провожать шары глазами в надежде, что все они закатятся в лузы (их называл лунками). Он подгонял их, стиснув зубы: «Давай, давай!...» Потом мелил наклейку, сдувал мел и долго-долго, словно на кону стояла его жизнь, изучал позицию шаров на зеленом сукне. Редко кто отваживался сыграть с ним партию-другую – умрешь со скуки.

Бильярдная была довольно просторным помещением. В нем свободно разместилось два стола, ряд мягких стульев. Справа от двери – мини-бар, где все напитки для клиентов «Берега мечты» были бесплатными.

К этому часу в отель приехал его фактический владелец Александр Абрамов. Капитан и адмирал с нетерпением поджидали агентов. Блинков в телефонном разговоре, как всегда, был предельно краток: «Беседа состоялась. Детали – при встрече».

Ни Школьник, ни Абрамов не любили тратить время на вопросы о семьях. Сейчас они наглядно демонстрировали «правило дружбы» – умение молчать вдвоем. Может быть, их мысли текли параллельными курсами. Во всяком случае, и тот и другой сетовали на то, что сам капитан не сумел прибыть на встречу с американкой.

Американские военнослужащие всех рангов, офицеры спецслужб могли свободно раз в году отправиться на отдых за границу. За одним исключением: для определенной категории служащих секретных ведомств были определенные ограничения в стиле рекомендаций: из нескольких вариантов выбрать один. Так, ни для кого не было секретом, что, к примеру, офицеры ЦРУ нередко делали выбор в пользу испанских курортов. В данном случае посредством сотрудницы АНБ высветился один из «рекомендованных» отелей, что в целом для российской военной разведки имело значение в плане зондажных акций. Даже вербовку рядового матроса с американского авианосца или подлодки невозможно было переоценить.

Абрамов не сдержался. Он не успел остыть от одной операции, как ему на голову свалилась очередная. Он выплеснул свое недовольство незаконченным афоризмом с таким выражением лица, словно хотел оказаться в другом полушарии:

– Человек должен знать, когда заканчивается его работа... В последнее время я что-то не ощущаю на себе такого счастья. Если я и развлекаюсь, то точно по плану, расписанному флотской разведкой. Мне последнее время хочется обзавестись...

– Женой? – попытался угадать адмирал.

– Секретаршей.

– Зачем тебе секретарша?

– Хотя бы за тем, чтобы сказать ей: «Меня нет». Услышать от нее: «Вас не может не быть для руководства военной разведки», и ухмыльнуться в ответ: «Разве?..»

– Саня, – адмирал, прицеливаясь к простенькой резке двух шаров, взял нравоучительный тон, – я не хочу видеть тебя счастливым даже в компании секретарши. Как говорит твой Колька Кокарев, сейчас я объясню, к чему это я сказал. В чужом счастье есть что-то занудное. Тебе ли это не знать. Если ты устал, возьми отпуск.

Школьник забил «шальной» шар в среднюю лузу и похвалил себя, ничуть не тушуясь:

– Точно выверенный дуплет! Отличная геометрия стола. Слетай в Москву, Саня, отдохни от Испании по своему графику.

– Ну да. В соседней камере всегда свободнее.

Неизвестно, во что бы вылился спор двух офицеров, если бы в бильярдную не вошли Блинков и Кокарев. Кок сразу прошел за стойку и вынул из холодильной камеры банку пива. Предложил адмиралу:

– Виктор Николаевич, пивка лизнете?

– Коля, я знаю, к чему ты это спросил. Будешь потом хвастаться, что пил пиво с начальником разведуправления.

– Обычно я по-другому хвастаюсь. Мол, вызывает меня адмирал и говорит: «Надо бы тебе, Коля, в ЦРУ внедриться». Я руками развожу: «Как?» Адмирал отвечает: «Ну, милый мой, это твои проблемы». И что вы думаете? Внедрил, конечно.

Школьник оставил наконец-то кий и присел на край массивного стола.

– Докладывай, Женя.

Он лишь раз перебил Блинкова и попросил его повторить имя японца и название катера. И то и другое адмиралу было знакомо. Он долго пребывал в молчании, пару раз перебросился многозначительным взглядом с Абрамовым. Капитану имя Шона Накамуры также было знакомо. Но на протяжении нескольких лет розысков капитана «Си Интерцептора» Накамура оставался вне подозрений, в стороне от залитого кровью пиратского флага.

Слово оставалось за Школьником, старшим по званию. Он последовал совету Кокарева и прошел к мини-бару. Плеснув в бокал коньяка, адмирал сделал маленький глоток и отставил бокал в сторону. Сейчас он, находясь за маленькой стойкой, как за кафедрой, походил на лектора.

– Кто такой Шон Накамура, – начал он вполголоса. – На японца у нас есть досье. Он руководит радиоэлектронной разведкой и отвечает за подготовку наемников из жителей Таиланда, Камбоджи, Вьетнама. База дислоцирована на одном из островов Сиамского залива. Она формально принадлежит военно-морским силам США и является закрытой. До сей поры в Лэнгли упорно отрицают факт размещения своего учебного заведения, хотя некоторые сотрудники спецслужбы еще в 1980-х годах подтвердили, что оно существует. Саня, продолжи.

Абрамов с полминуты раздумывал, принимая в беседе эстафету.

– В ЦРУ в связи с последними разоблачениями решили оформить задним числом базу на частное лицо, оставив при этом название – «Ферма». База превратилась в частные владения и сохранила при этом функции резиденции. На этой базе есть даже небольшой аэродром.

– Да, – подтвердил Школьник. – Базу оформили на фактического руководителя центра капитана Накамуру. Руководя базой и спецоперациями, он продолжал работать под прикрытием. Его работа до 2002 года носила характер командировок, – продолжил адмирал, больше для того, чтобы освежить память, нежели проинформировать своих агентов. – Примерно четыре месяца в году Накамура находится на базе, остальное время – в Америке.

Адмирал еще не мог привыкнуть к мысли, поначалу показавшейся ему дикой, нереальной: он вышел на след капитана «Интерцептора». А ведь пару лет назад кто-то в Главном штабе ВМФ высказывал такое предположение, опираясь, в частности, на тип судна, предположительно классифицированного как американский диверсионный «Пегас». Однако на слайдах со спутника-разведчика ничего похожего на «Ферму» обнаружено не было.

– Александр Михайлович, ты долго работал по пиратским группировкам. Что скажешь насчет систем оповещения и связи в «корпорации» Накамуры?

«Пока рано навешивать на него ярлык пирата», – мысленно ответил Абрамов. Но все же внутренне принял эту версию.

– Женя, ты ничего не слышал о Накамуре? – спросил он.

Блинков покачал головой: «Нет».

– Ребята, – вступил в разговор адмирал, – за несколько лет мы впервые услышали имя конкретного человека. Давайте примем рабочую версию: Накамура – капитан «Интерцептора». Не будем ходить вокруг да около, иначе запутаемся. Сменить версию никогда не поздно. Называя вещи своими именами, мы проанализируем ситуацию. В общем и целом мы знаем тактику капитана «Интерцептора» по его многочисленным нападениям на морские суда.

– Хорошо, Виктор Николаевич. Группировка Накамуры действует порой стандартно, порой – отходит от шаблонов. Для высадки и захвата судна пираты Накамуры используют специальные линеметы с «кошками».

– Да, я знаю такую штуку, – оживился Джеб. – «Кошками» отстреливаются с большого расстояния и очень точно. По канатам абордажная команда быстро взбирается на борт судна. Обычная тактика, я тоже так делал.

– Главный принцип, на котором строится тактика нападений, – это ночные налеты. В случае сопротивления со стороны экипажа пираты Накамуры идут на крайнюю жестокость и беспощадность.

– Скажи о главном, Саня, – попросил адмирал.

– В 2003 году Накамура напал на российское судно. Члены команды и пассажиры «Решетникова» были убиты. В живых остался лишь радист... Женя, ты хоть и коротко, но пообщался с американкой. О чем говорят твои наблюдения?

– У меня есть подозрения, что Николь и Шон не состоят в браке.

– Может, они основаны на контрасте – сотрудница АНБ и знаменитый пират? – спросил Абрамов. – Но он наполовину, что ли, офицер американских ВМС.

– Не знаю...

– Не в этом дело, – перебил адмирал. – Любая информация о Накамуре и его подразделениях для нас на вес золота. Условия Николь для нас – очень выгодные. Даже если против нас и ведется какая-то игра, то в ней мы можем узнать много интересного. Игру нужно принимать. Хотя мне не хочется рисковать твоими агентами, Саня.

– Мы здесь, – напомнил Кок, подняв руку с пустой банкой.

– Они симпатичные парни, – адмирал продолжал «не замечать» агентов. – Мне они нравятся не как отдельные личности, меня больше привлекает связь между ними. – Дальше адмирал отчего-то понизил голос. – Коллективная психология до сих пор не изучена. Стоит выпасть одному игроку, и развалится вся команда... Но у них такая работа. Их тактика – вызывать огонь на себя. Твой Колька Кокарев, будь он на моем месте, сказал бы: «Да, приятель, тобой придется рискнуть».

– Вы прямо провидец, товарищ адмирал. Оракул!

– И это я знаю, – с выражением сказал Школьник. И снова переключился на Блинкова. – Женя, мне важно знать, как ты оцениваешь вашу беседу с Николь. На чувствах, эмоциях, не важно.

– Не было баланса, – ответил Блинков после непродолжительной паузы. – Ну как объяснить?... Не было третьего человека, который бы обратился к нам со словами «Мне жаль» – одному, «Я вас поздравляю» – другому. Что-то в этом роде.

– Ты говоришь о незаконченности, я понял. У тебя впереди повторная встреча с Николь. – Адмирал перешел на полушутливый тон. – Готовься действовать по «принципу Кока»: «Тебе нужно внедриться в ЦРУ. Как? Милый мой, ну это твои проблемы».

Глава 4

ПОЗИЦИЯ НЕУСТОЙЧИВОГО РАВНОВЕСИЯ

1

Таиланд

«Боинг-747» приземлился в международном аэропорту У-Тапао точно по расписанию. Расположенный в двадцати километрах к югу от всемирно известного курорта Паттайи и в ста двадцати к юго-востоку от Бангкока, У-Тапао с его взлетно-посадочной полосой в три с половиной километра являлся базой военно-воздушных сил Таиланда. Военный аэродром на берегу Сиамского залива построили американцы в 1965 году. Годом позже в У-Тапао разместили стратегические бомбардировщики В-52 «Стрэтофортрес». Эти грозные машины Стратегического крыла ВВС США наносили бомбовые удары по Вьетнаму. После окончания войны авиабазу передали Таиланду.

Этот режимный объект принимал рейсы со всего мира и отличался от других крупных аэропортов определенными ограничениями на перемещения по его территории. Так, к примеру, в У-Тапао нет привычных магазинов свободной продажи.

Сорок лет назад на этом побережье, защищенном от океанских ветров, было всего несколько рыбацких селений. Один из поселков назвали в честь национального героя генерала Пхрая Таксина, потом переименовали в Паттайю – это сильный юго-западный ветер, поднимающийся перед началом сезона дождей. После возведения авиабазы рыбаки отказались от привычного промысла и занялись строительством отелей, ресторанов и баров. Первыми клиентами стали американские солдаты, в перерывах между боями искавшие развлечений. Хлынувшие из провинций в Бангкок и Паттайю тайские девушки выкачивали из джипов доллары.

Мориака Накамура предпочитал японскому имени английское имя Шон. Иногда в отелях служащие записывали его как Sean Nakamura. Пребывая в хорошем настроении, он поправлял с улыбкой: «Я не Шон Коннери или Шон Пен. Мое имя пишется как Shaun».

В зале прилета Шона встречали два тайца с короткими стрижками и одетые в легкие костюмы. Один взял багаж босса и пошел впереди. Другой таец следовал позади Накамуры вплоть до джипа на парковочной стоянке. Шон занял место на заднем сиденье. Сопровождающий закрыл дверцу и сел за руль.

– Можно ехать, мистер Накамура? – с почтением в голосе спросил он.

Шон сонно кивнул, зная, что его жест виден водителю в панорамном зеркальце.

Как всегда, долгий перелет из Вашингтона в Паттайю утомил Шона. Воздушной болтанке он предпочитал болтанку морскую. Его не укачивали даже десятиметровые волны. В калифорнийском Мэверике, где высота волн достигает двенадцати метров, Шон бывал хотя бы два раза в году. Вода там холодная как арктический лед. Сильный ветер норовит выбросить на скалы, унести в море. А в море акулы. Множество прожорливых тварей. Но главное для серфера – умение удерживать дыхание и держаться под водой.

Шон считал Мэверик самым опасным и красивым местом на земле, может быть, поэтому он и ездил туда, а не на Гавайи, где волны могли посоперничать с устрашающими водяными валами Мэверика. Гавайские профессионалы, рискнувшие укротить калифорнийскую волну, тонули, разбивались о скалы, их выбрасывало на мель, как легкие суденышки в

бурю. Море затаскивало их в водяные пещеры, а волны, обрушивающиеся на крутые скалы каждые десять секунд, не давали им выбраться из смертельных гротов.

У серфера нет права на ошибку. У него есть три-четыре минуты, чтобы обуздать волну и свой страх. У него есть способность предугадывать события и всегда готовиться к худшему. Он всегда должен быть в отличной форме. Бег под водой с камнем, прижатым к груди, – его основное упражнение.

Шон устал. Из Мэверика, где он наслаждался волнами, упивался бешеной скоростью скольжения по воде, ему пришлось вылететь в Вашингтон...

Сейчас джип вез его в Северную Паттайю, где в одном из самых современных отелей у него был бронирован и оплачен на полгода вперед роскошный номер.

В номере он первым делом разулся, сбросил с себя одежду, не обращая внимания на горничную, которая без надобности поправляла салфетки на столике и надолго задерживала взгляд на мускулистом теле Шона. Она забрала его плавки, пропотевшую майку и носки и вышла из «люкса», тихо прикрыв за собой дверь.

Накамура прошел в душ и долго стоял под холодными упругими струями. Сейчас он укрощал себя – все его существо рвалось к одинокому острову, затерянному в Тайском заливе. Там на базе, носящей название «Ферма», его поджидал семилетний сын Ёсимото. Его Шон не видел больше недели. Мог бы позвонить сейчас или раньше, когда шасси «Боинга» коснулись ставшей для Шона родной земли. Он хотел видеть сына; а его голос в трубке Шон всегда сравнивал со страницами из семейного альбома; телефонная связь для него всегда была мертвой. Он с улыбкой представил скорую встречу с Ёси. Он бесшумно подходит к дому, тихо открывает дверь... и громко возвещает о себе: «Тадаима!» – что означает «Вот я и дома!» Они обнимаются, присаживаются на широкую софу и откидываются на мягкие подушки. Ёсимото засыпает отца вопросами, главный из них: «Ты заплывал в пещеру?» Ради сына, ради того, чтобы рассказать ему об этом безумном шаге, Шон несколько дней назад рискнул заплывать в грот...

Он пренебрегал телохранителями в Штатах. В Мэверике презрел основное правило – команда. Он оставил в неведении спасателей, для которых волны и скалистый берег Мэверика – сущий ад. Он дал сумасшедшему течению втянуть себя в пещеру, а та тут же захлопнула за ним водяную дверь. Шона кружило в водовороте, относило к дальней стене грота, а когда он подплывал, лежа животом на доске, к выходу, очередная многометровая волна отбрасывала его назад. Им овладело отчаяние. Он понимал, что единственный путь к спасению – это спасатели на аквабайках и санях, следующих за водным мотоциклом на длинном тросе. Только ухватившись за сани, отпущенные спасателями по ходу волны, его могли вытянуть из смертельной ловушки.

Он потерял счет времени. Водовороты носили его по ноздреватому, как сыр, гроту и швыряли на стены. В ушах гул бесноватого моря и слабый голос Ёсимото: «Ты заплывал в пещеру?»

Шон оставил доску, и ее тотчас швырнуло в дальний угол грота. Отчаянный серфер пошел на больший риск. Во время десятисекундной передышки, когда один водяной вал сменял другой, он сделал короткую серию дыхательных упражнений и погрузился на дно пещеры. Он плыл, по сантиметру отвоевывая длинный каменистый коридор. Он в спокойном состоянии мог находиться под водой больше шести минут. Теперь же это время многократно сокращалось и насмехалось над его уникальным умением удерживать дыхание.

Одна неудачная попытка, другая... Силы таяли. В голове уже не шум, а рев всех морей на свете. И вдруг среди этого водяного и каменного нагромождения – вспышка просветления. В один миг Шон понял, как ему выбраться из пещеры, как обмануть смерть, в бешеном вальсе крутящуюся рядом, и не обмануть надежд Ёсимото. В этом каменном мешке, куда

свет проникал на короткие мгновения, лицо Шона радостно осветилось; до нее путь короткий и в то же время длинный, трудный, невероятно трудный, но он один.

Снова серия дыхательных упражнений – но на этот раз Шон был полон надежд. Он резко ушел на дно. Там среди камней он нашел угловатый и, с трудом оторвав его от дна, поднял к груди. Он шел с камнем, и его качало взад-вперед. Но теперь течение не играло с ним, как с поплавком. Теперь он приобрел надежное сцепление с дном и шел по нему, как по лесной тропинке, обдуваемой сильным ветром.

Может быть, Шон побил свой же рекорд пребывания под водой без единого глотка воздуха – об этом не узнает никто. Он отпустил камень в тот миг, когда очередная волна отхлынула от пещеры, оставшейся позади.

Его голова показалась над водой. Шон с натугой вдохнул соленую взвесь, метавшуюся над ним, и на гребне волны, относящей его от скал, совершил главное в своей жизни скольжение по воде. Он что-то кричал, уносясь от скалистого берега к пляжу. Его тело содрогалось от страшного холода. На вопрос спасателя, увидевшего на берегу недвижимое тело: «Ты откуда свалился, Шон?» – он прохрипел: «С того света».

Шон Накамура смертельно устал. Дабы не явиться на базу разбитым, ему придется отложить поездку на «Ферму» до утра. Он не мог сказать Ёсимото: «Прости меня за неважный вид». Или просто: «Сумимасэн» – «Прости», что буквально означало «мне нет прощения». Шону было необходимо расслабиться, забыться на несколько часов, отречься от всего на свете. Он часто прибегал к одному приему и сейчас не отказался от него.

Он вышел из душа, по щиколотки утопая в мягком паласе. Насухо вытерся полотенцем и потянулся до хруста в суставах. Надев шорты и майку, которая подчеркнула его сильные грудные мышцы и оставила на виду идеальной формы бицепсы, Шон прихватил с собой старомодную кожаную «визитку». Просунув руку в петлю сумочки, он, игнорируя лифт и телохранителя, следующего за ним, направился к лестнице.

Заняв привычное место в машине, Шон Накамура отдал короткое распоряжение водителю:

– В салон.

Тот понимающе кивнул и взял направление в сторону Центрального Паттайя, где сосредоточена ночная жизнь курорта. На Бич-Род, что идет вдоль берега моря, водитель остановил машину. Сопровождающий Шона вышел и открыл дверцу. Он проводил босса лишь до широкой двери массажного салона.

Шон часто посещал это респектабельное заведение. Ответив кивком на приветствие менеджера, узнавшего постоянного клиента и назвавшего его по имени, он прошел к стойке бара и сел на высокий стул.

– Скотч, – он щелкнул пальцами, подзывая красивую барвумен в длинном серебристом платье.

Он смотрел прямо перед собой, где за прозрачной стеной стойки находился подиум. С подиума ему призывно улыбались девушки в вечерних платьях. Они были молоды, но не школьного возраста; секс со школьницами в Японии настолько популярен, что даже зрелые женщины облачаются в школьную форму.

Этот этап всегда напоминал Шону финальную часть конкурса на почетное звание «Мисс мира». Он не преувеличивал: любая из этих десяти тайских девушек могла дать сто очков вперед самой титулованной красавице, когда-либо примерявшей корону.

Девушки носили номера, приколотые к платьям. Шон снова решал трудную и в то же время простую задачу – кого из девушек подозвать жестом. Все они были профессионалками, тонкости их услуг не различались. Но важно сделать выбор, его могут привлечь совершенно незаметные хотя бы для сегодняшнего вечера детали, будь то просто взгляд, поза, улыбка, прическа, даже место на подиуме – первая, вторая, последняя...

По сути, Шон выбирал из десяти одинаковых и прекрасных фарфоровых кукол, одна из которых оживет, едва прикоснется к его телу, и загорится, когда он в свою очередь коснется ее. Трудная задача. Но она являлась неотъемлемой частью всего действия и также приносила удовлетворение. С одной стороны, он покупал услуги девушки, с другой – одалживал ее тело, и для Шона это не означало одно и то же.

Совершенно неожиданно он вдруг мысленно перенесся на «Ферму», где увидел Ёсимото. Как и любой японец, Шон баловал своего ребенка и относился к нему, как к «драгоценному подарку Неба». Но с одним «европейским» отличием: он поощрял старания Ёсимото повзрослеть. Это несмотря на то, что относился к нему как к сокровищу и, как и подобает, хранил свое сокровище в укромном месте. Пусть не скоро, но настанет тот час, когда Ёси, щелкнув пальцами, подзовет менеджера салона, сделает свой выбор и укажет на ту девушку, что ему понравилась.

Странные, слегка пугающие мысли. Еще и оттого, что Ёсимото предстал в этом баре в возрасте семи лет.

«Нет, я просто устал и жажду ласковых рук... Какую из них выбрать? Каждая покорила свою высоту, знает об этом, но не показывает виду. Интересно, хотят ли они чего-то большего? Уже другого подиума, с теми же номерами, но уже перед другой, строгой и в то же время похотливой аудиторией? Что для них значит испытать зависть или ее обратную сторону?»

Шон внезапно понял, что отверг бы любую «мисс»...

В основном в этом заведении клиенты заказывали пиво. Шон снова отдал предпочтение шотландскому виски. Поигрывая стаканом и вслушиваясь в перестук ледяных кубиков в крепком напитке, он уже смотрел сквозь девушек и в какой-то миг осознал, что не понимает, зачем он здесь.

Относительно витрины он сидел ближе девушек и видел свое отражение, перекрывшее их лица. Кто-то, он уже не помнил кто, сравнил его с голливудским актером Марком Дакаскосом. Он не стал спорить, действительно находя сходство в гармоничном сочетании японских и европейских черт, и сам же сравнил это с перехлестнутой петлей, похожей на восьмерку...

И он указал на девушку под этим номером. Менеджер салона перехватил его жест и одарил ослепительной улыбкой, поощряя удачный выбор. Боже, не удержался от вздоха Шон, какая же стройная логика царит в этом заведении...

Он допил виски, повернулся на стуле, ожидая свою избранницу. Он уже не помнил, делала ли она ему массаж раньше. Кажется, нет...

Как и другие массажистки – тку по-тайски, она была маленького роста – чуть больше полутора метров. Она подошла к клиенту и, поклонившись, взяла его за руку, мягко, но требовательно потянула, предлагая следовать за ней. Они прошли через дверь за стойкой, затем узким коридором и оказались в комнате хозяйки, походившей на будуар. Здесь на виду были в определенном порядке разложены дамские безделушки, множество фотографий этой девушки – откровенных и завораживающих, даже деловых, где она, склонившись над низким столиком и поправляя волосы одной рукой, что-то записывает на листе бумаги.

Массажная кушетка посередине комнаты бросалась в глаза.

Впервые оказавшись в массажной комнате – это было пять или шесть лет назад, Шон испытал странные чувства. Увидев вместо ожидаемого бамбукового столика с безделушками металлический стол с инструментами для пыток, вместо штор (за ними – буффория окна) железные жалюзи. Ему почудилось, что и массажный стол с фиксаторами для рук и ног тоже сделан из железа...

Девушка подала клиенту пример: убрав из высокой прически шпильки и положив их на столик, она, изящно изгибая тело, избавилась от вечернего платья, оставшись в узких белоснежных трусиках. Она сняла их, когда Шон полностью освободился от одежды.

Их руки снова встретились. Тку провела клиента в ванную комнату. Большая ванна казалась наполненной такой горячей водой, что в нее невозможно было опуститься. Девушка шагнула в ванну, не выпуская руки Шона, он последовал за ней.

В большом зеркале напротив Шон видел свое лицо, а также затылок и обворожительные плечи молоденькой хозяйки. Он приподнял руки и опустил их, прижимая к телу ноги массажистки. Закрыв глаза, отдаваясь первым прикосновениям девушки к своим ступням. Она мягко касалась его пальцев, потом ее движения стали более жесткими. Она перешла на его икры, бедра, умело, как бы невзначай, касаясь его возбужденного члена.

Она первой вышла из ванны и подала Шону полотенце. В своей комнате она взяла со столика массажное масло и разлила его по кушетке, мягким жестом предложила клиенту занять место. Шон лег на кушетку животом вниз. Мягкие ладошки коснулись его разгоряченного тела и долго не отрывались от него. Потом он ощутил не менее приятное ощущение, когда по его спине потекло масло, а руки массажистки начали втирать его в кожу.

Шон снова увидел себя на песке в Мэверике. Обессиленный, замерзший, он продает свою душу дьяволу, а тот взамен бросает к его ногам целый тайский квартал. Ведет его к двери массажного салона и сам делает выбор в пользу одной из своих наложниц. Это она сейчас взобралась с ногами на кушетку и своим маленьким телом накрыла его. Обожгла и словно уменьшилась в размерах, скользнув к его ногам, а потом – назад, притягивая его за плечи. Она походила на маленького краба, снующего по его телу; она становилась то тяжелой, то невесомой; и тогда лишь тонкий слой масла отделял их тела.

Шон едва не проронил: «Ты слишком требовательна», когда девушка попросила его лечь на спину.

И снова она скользит по нему, касается выбритым лобком то его подбородка, то горевшего огнем члена. Массирует его всеми участками своего миниатюрного тела и не пропускает ни одного места на его теле. Она дарит ему не сравнимые ни с чем прикосновения своих по-восточному темных и набухших сосков.

Шон снова потерял счет времени. Прошло двадцать минут. Ему же казалось, это сладостное истязание, при котором он, придерживаясь правил игры, не мог ответить взаимностью, длилось целую вечность.

Он стоит под струями душа. Вода хоть и горячая, но она остужает его пыл. Накамура смывает с себя масло, поворачивается к девушке спиной и дает ей смыть гель со спины. Вот сейчас, когда их кожа закрипела от чистоты, прозвучит главное. Шон даже закрыл глаза, ожидая этих слов, так как оплаченные им услуги были предоставлены.

– Вы хотите продолжения? – услышал он голос тку. Не открывая глаз, он с хрипотцой сказал:

– Да.

Шон обнял девушку за плечи и повернул спиной к себе. Она расставила ноги и оперлась рукой о влажную стену. Другой рукой она взяла его член и отпустила, когда он вошел в нее. Шону снова показалось, что он имеет власть над самой невинностью.

Секс с хозяйкой этой комнаты был короток, всего несколько мгновений, несколько резких движений. Но выброс энергии, накопившейся в Шоне за время получасового массажа, был огромен. На него накатила слабость, и он, с трудом удерживая равновесие, дошел до кушетки. Такое состояние длилось не больше минуты. словно пройдя ритуал очищения, во время которого Шон обрел прежние силы и зарядился новой энергией, он покинул эту комнату как заново родившийся. Как отпущенный на свободу пленник.

2

Восьмичасовой сон без сновидений окончательно восстановил силы Шона Накамуры. Он спал, неосознанно регулируя движения груди при вдохе и выдохе, освободившись от чувств и переживаний. Теперь ему предстояло обратное: осознавать все свои движения, чувства и мысли, как учат в тайских монастырях.

Воспоминания о вчерашнем вечере родили на его губах улыбку. Прежде чем приступить к завтраку у себя в номере, он вызвал дежурную по этажу. Набросав на листке бумаги адрес, он высказал свою просьбу:

- Купите цветы и отнесите в салон от моего имени.
- Конечно, мистер Накамура.
- Можете идти.

Сентиментальность, охватившая Шона, была мимолетной, скоро от нее не останется и следа. Но он не был бы собой, если бы не подчинился приступу нежности осознанно, что, в его понимании, также было частью медитации – сати.

У него было две возможности попасть на «Ферму» – вертолетом, что быстрее, и на катере. Он сделал выбор в пользу катера.

Через полчаса джип остановился напротив клуба «Адвенчур Скуба», где рядом с укомплектованной для погружения аквалангистов лодкой покачивался быстроходный катер глиссерного типа. Шон сам стал у рулевой колонки и дал задний ход, едва матрос отдал швартовы.

Катер мчался со скоростью сорок узлов, обгоняя первые паромы, связывающие острова с берегом Сиамского залива. Спокойное утреннее море переливалось на горизонте огненными красками, тогда как нос лодки разрезал небесную синь. Восточный бриз превратился в ветерок и начал бросать в лицо рулевого соленые брызги. Только Шон в промокшей одежде не спешил покидать штурвал и провел за ним около полутора часов.

Наконец вдаль показался молочный горб острова, походившего на голову слона и словно копировавшего очертания самого Таиланда. Даже ветер был не в состоянии согнать легкую вечную дымку, стелющуюся над ним. Она не мешала приземляться на двухкилометровой летной полосе самолетам, а, наоборот, служила для них ориентиром. От разрушительного цунами 25 декабря 2004 года, вызванного землетрясением в Индийском океане, пострадали некоторые курорты западного побережья Таиланда. Но волна не тронула острова и побережья, омываемые Тайским заливом.

Казалось, не сам утренний туман тает, а его прогоняет взгляд. Шону это чувство было знакомо, и он снова и снова переживал его заново. И бухта, укрытая от всех ветров, встречала его словно впервые.

Накамура потянул рукоятку газа на себя и подвел катер к понтону. Заглушив двигатель, шагнул на борт и прыгнул на деревянные мостки.

Он не любил шумные встречи и на пути к дебаркадеру встретил лишь матросов, занятых на судах утренней приборкой.

Шон недолго оставался на берегу. Поджидавший его военный джип домчал начальника базы до небольшого и уютного городка – всего несколько приземистых зданий, вместивших в себя простую, но необходимую для базы инфраструктуру. Здесь не было, как на других военных базах, флагов или каких-либо атрибутов власти.

Резиденция командора и губернатора этого острова, как часто называли Шона Накамуру, находилась в центре поселка и наружным декором не отличалась от других. Но внутри дома царил только ему присущий порядок и начинался он перед дверью, где снималась уличная обувь и надевались шлепанцы.

Здесь Шон отдыхал от постоянного прессинга общения и забот, присущих крупным городам. Он сходил с ума, бывая на исторической родине. На вокзале в ожидании поезда механический голос брал всех и каждого под свою опеку, объявляя, где сейчас находится экспресс, сколько секунд осталось до его прибытия, насколько он заполнен. Он советовал отойти от края платформы, подсказывал, сможете ли вы произвести посадку, не отрываясь от газеты, и если да, то газету нужно свернуть, чтобы не помешать другим пассажирам...

Шон на дух этого не переносил. Японец среди японцев никогда не будет предоставлен самому себе. В Америке же абсолютно все наоборот.

Он не хотел, чтобы его сын воспитывался в американском духе, который развращает, или японском, который основан на опеке со стороны окружающих и глушит способность самому заботиться о себе. Он выбрал для Ёсимото нечто среднее. Начальное образование он получит здесь, а будущее его ждет в Европе.

Шон по духу был самураем, однако преклонение перед «путем воина» не мешало его умению быть ясасии – нежным, заботливым, уступчивым, внимательным. Но только по отношению к одному человеку.

Он в это время еще спал. Одиннадцать на часах, а семилетний соня все еще не вылез из постели.

Подойдя к кровати Ёсимото, Шон сделал существенную поправку: сын притворялся спящим. Его дыхание было ровным, тогда как ресницы часто подрагивали, а напряженные губы были готовы расплыться в улыбке.

Шон подыграл ему. Склонившись над ним, он тихо прошептал:

– Спит... Не буду будить. – И, тихонько развернувшись, пошел обратно к двери.

– Попался! – догнал его радостный голос.

Мальчик с разбегу прыгнул на руки отцу и обнял его за шею.

– Ты провел меня, маленький сорванец! Но больше тебе меня не обмануть. Марш умываться, чистить зубы! Ты еще не завтракал, а время обеда. Что тебе приготовить?

– Пельмени с мясом.

– Ладно, пусть будут с мясом. За обедом я расскажу тебе страшную историю. Она называется...

«Как?» – мальчик округлил глаза.

– «Подводная пещера». Да, Ёси, твое желание исполнено. – Шон отвесил мальчику актерский поклон и прошел на кухню. Там он поздоровался с Сахоко Хорикавой, исполняющим при Ёсимото обязанности гувернера, и отпустил его. Сам же вымыл руки, надел белоснежный фартук, скрыл волосы под широкой цветастой повязкой. Рассыпав по столу муку, Шон разбил в нее пару яиц, увлажнил зеленым чаем и ловко замесил тесто. Мясо в его холодильнике всегда было свежим. Он нарезал два сорта на мелкие куски и провернул на мясорубке. Вооружившись тонкой, как учительская указка, скалкой, он раскатал тесто и нарезал его кружками. Его умелые пальцы быстро лепили пельмени. Вода закипала на огне. Он любил готовить, и это приносило ему удовлетворение.

За обедом Шон рассказывал о своем приключении так, словно и ему было не больше семи лет. Он умел преподать любую историю таким образом, чтобы его сыну было интересно. Он придумал множество вымышленных деталей, в частности – акул, которые голодной стаей окружили его в море; сопровождал подробности жестами, понижал и повышал голос, порой хрипел, схватившись за горло, откидывался на спинку стула и ронял голову на грудь. Оживал, натужно втягивая в грудь воздух, радостно вскрикивал и улыбался.

Когда они вышли из-за стола, лицо Шона омрачилось. Мальчик сказал:

– Вчера звонила мама.

Если и существовало понятие «американский самурай», то лишь применительно к одному человеку – Шону Накамура. Коротко отвечая на приветствие своего заместителя лей-

тенанта Гордона, Шон стремительной походкой прошел к себе в кабинет. Он всегда был вежливым, даже когда не хотел этого. Сейчас на него обрушилась скала сильнее гнева, придавив, но не убив его пресловутую обходительность. Он набрал номер телефона и дождался соединения. Автоответчик сообщил координаты испанского отеля. «Что за чертовщина, скажите мне, пожалуйста?!» Шону пришлось перезвонить, чтобы записать гостиничный номер телефона. И снова его пальцы жмут кнопки на телефонном аппарате, снова он, придавленный гневом, ждет соединения. Дождался. На другом конце провода знакомый и ненавистный голос:

– Да?

– Да!!! – крикнул в трубку Шон. – Если ты еще раз позвонишь МОЕМУ сыну, я... – в продолжение он скрипнул зубами. – Будь так любезна, сука, больше не звони!

Он швырнул трубку, норовя расколотить ее о стену. Витой шнур возвратил ее назад с удвоенной силой, и Шон едва успел уклониться.

– Сука... – снова, теперь уже бессильно прошептал он. И мысленно перенесся на год назад.

Их дело не могло дойти до суда по той причине, что оба работали в секретных подразделениях разведки, а было рассмотрено лишь в закрытом режиме внутренней службой, которая зачастую быстро улаживала подобные конфликты.

Просторная комната с массивной мебелью. За тяжелым столом члены жюри. Напротив – Шон и Николь. Они разделены проходом между рядами стульев. Николь задает вопрос. Она начинает отвечать. Председатель жюри – потный, откормленный как на убой, за сто двадцать килограммов мужчина, прерывает ее:

– Встаньте, пожалуйста.

Николь повинуется.

– Продолжайте.

Она продолжает «не с того места». Она скачет с одного на другое, понимая, что этот закрытый процесс ей не выиграть ни за что. В этом зале царил социализм, его от беснующейся демократии отделяли толстые кирпичные стены. Николь выбрасывает пену в сторону жирного судьи:

– Как вы не можете понять, что он просто хочет избавиться от меня и оставить за собой права на нашего ребенка?!

Судья переглядывается с соседом, противоположной себе копией; ему удастся ровный тон, хотя покрасневшее лицо не соответствует его голосу.

– Мы действительно не можем этого понять. Предъявите комиссии хотя бы один веский аргумент в пользу этой версии.

– Приглядитесь к нему внимательно, ваша честь, и вы увидите папу-кенгуру, который прячет дитя в кармане. Это бессмыслица! Он (резкий жест Николь в сторону Шона) не пытался поговорить со мной на эту тему. Он сразу же вынес вопрос на жюри. Мы могли обсудить наше будущее. Я могла бы устроиться на другую работу, больше времени уделять семье.

– Сколько длится ваш рабочий день?

– Я работаю сорок часов в неделю, сэр.

– Вы не умеете отвечать на поставленные вопросы. Почему вы не ответили – восемь часов? Назовите организацию, которая предоставит вам иной, более щадящий график. И сохранит при этом прежние жалованье.

– Пока не могу назвать. Я не готова к этому разговору. Но вы должны...

– Пытайтесь указать, что мне делать?

– Извините, ваша честь. Мне нужно время подумать.

– Пожалуйста, думайте. Вы свободны. Мистер Накамура (жест судьи и его тон открыто подсказывают Николь, на чьей стороне члены жюри), вас я попрошу остаться.

Накамура остается. И слушает судью, рассматривающего дело по звонку сверху.

– Этот процесс вечен. Какие шаги вы намерены предпринять?

– Мои частые командировки раз от раза становятся все дольше и норовят слиться воедино. На базе есть все возможности для начального образования нашего сына. Я лично хочу заняться его воспитанием. Ваша честь, вы же видели реакцию Николь...

– Видел (у судьи было лицо человека, заглянувшего в чужие карты). Хорошо. Я попрошу вашу жену предоставить жюри материалы ее обследования у нашего психиатра. Если потребуется, решим вопрос о ее госпитализации. Но прежде мы сделаем запрос в АНБ на предмет состоятельности Николь на занимаемой должности. Что скажете, мистер Накамура?

Шон ответил откровенностью на откровенность:

– Пусть ужрется.

Он пожалел о своем гневе. Он выплеснул его в трубку и сам остался открытым в мимолетной слабости. Свое состояние оценил как позицию неустойчивого равновесия. «Нигде так не полезно промедление, как в гневе», – вспомнилось ему высказывание Публилия Сира. И еще одно: «Жди от другого того, что сам ты сделал другому».

Шон нажал на кнопку селектора и попросил дежурного принести кофе. Что может Николь? Если бы даже он захотел, и то не смог бы позавидовать ее участи. Что ей остается? Вот так, телефонными звонками трепать ему нервы. А если это войдет не у нее, а у него в привычку? Она умная, до черствости умная женщина. И не может не понимать этого. Она с ума сойдет скорее, чем Шон успокоится.

Он снова взялся за телефон закрытой связи и позвонил в Лэнгли. У него был только один вопрос к своему шефу на связи: что делает в Испании Николь. Хотя гостиничный номер, продиктованный автоответчиком, все, казалось бы, расставил по своим местам.

Глава 5 ПРОДАННЫЙ СМЕХ

1

Испания

Если это не игра, то должны быть мотивы, рассуждал адмирал Школьник. Очень веские мотивы, которые понудили Николь заказать своего мужа. Скорее всего, это дела семейные. Финансовые дела? – задался он вопросом. Возможно. При повторной встрече с Николь эта брешь должна быть закрыта.

А пока Школьник решил закрыть еще один вопрос. Он собрал на открытой террасе отеля всех агентов – Блинкова, Кокарева, Музаева и Чижова. Исключение – капитан Абрамов; с ним на тему, которую адмирал собрался вынести на обсуждение с агентами, он уже беседовал.

– Вас четверо. Коля, даже не думай открывать свой нагнетательный клапан, – предостерег он Кока. – Да, до четырех считать я умею. Даже до пяти, если ты не знал. Вижу, ты действительно хочешь о чем-то спросить.

– Типа того, Виктор Николаевич.

– Спрашивай.

– Какой клапан-то вы имели в виду?

Школьник не меньше минуты неотрывно смотрел на Кока.

– Ты, Коля, острый на язык. Давай выясним остроту твоего зрения. В гостинице остановился человек по имени Костя Романов, заметил?

Романов зарегистрировался в отеле позавчера вечером. Он снял одноместный номер на втором этаже, напротив комнаты Виктора Школьника. Романову было двадцать девять. Высокий, сильный, стриженный наголо, он брал напрокат снаряжение дайвера и выходил в море с испанским инструктором подводного плавания.

Чаще всего Костю можно было заметить в кафе или на балконе в своем номере. Он заказывал коктейль – водка, сок, шампанское – и медленно потягивал напиток. Нередко его взгляд задерживался на владелице отеля Лолите Иашвили. Она отвечала ему улыбкой, отчего-то полагая, что дальше приветствий этот мужественный парень, со сломанным, как у боксера, носом, не зайдет.

Трудно было назвать отдыхом его странное расписание: утренняя пробежка вдоль побережья, завтрак, погружение под воду, посиделки один на один с высоким стаканом. Казалось, он в этом испанском отеле отбывает повинную.

– Так вот, – продолжил Школьник, – Романов не кто иной, как пятый член вашей группы.

– Как это? – Николай подался вперед. – Как это, пятый член? Мы что, просили помощи? Или вы, товарищ адмирал, себя не помните? Не вы ли сказали, что вам в нашей команде нравится внутренняя связь? Еще что-то про коллективную психологию ляпнули. Хотите развалить группу? – недобро сощурился Кок, заиграв желваками.

– Ты ничего не знаешь об этом человеке.

– А теперь и знать не хочу. Нас связывает не только дружба, но и кровь. – Кок оттянул ворот майки, показывая шрам от двойного ранения. – Не за вас и ваши принципы. Я

за товарищей насмерть бился. Весельчак – тоже. Он погиб, если вы забыли. Теперь вы ему подмену нашли? А может, подмену Сереге Ключеву или Родик? Ключ на дне моря покоится, а Родик...

– Помолчи! У меня еще есть мозги, чтобы это помнить.

– С какой стати вы вмешиваетесь в нашу жизнь? – не унимался Кок с внезапно посе-
ревшим лицом.

– По той причине, что такой человек, как Костя Романов, вам необходим.

– Да мне наплевать, Романов он или Чемоданов! Мы – не регулярная армия. Не фигу
ляпать указы об увольнении и призыве.

– Я вижу его необходимость со стороны, тогда как вы не можете разглядеть это изнутри
своей команды, – пока еще терпеливо втолковывал адмирал.

– Стойте, Виктор Николаевич! А может, вы просто его пристраиваете? Он что, ваш
человек? Может, племянник? А у нас тут денег куры не клюют!

Николай ощутил провал в груди, и все его существо, словно выворачиваясь наизнанку,
падало в него, как в черную дыру. Казалось, его разорвало надвое, затем каждую половину
еще надвое, потом еще и еще. Он понимал, что будет делиться до тех пор, пока не разложится
на атомы и не канет окончательно в самом центре дыры.

– Кок, – Блинков, пребывающий в схожем состоянии, попытался успокоить товарища. –
Виктор Николаевич прав – мы ничего не знаем об этом парне.

– Твоему Виктору Николаевичу я уже сказал: я ничего не хочу знать. И тебе повторяю
то же самое, если ты, Джеб, вконец оглох! Я себе не предатель! И не забыл, с чего начина-
лась наша команда. – Кок вперил в адмирала налитые кровью глаза. – Мы срочную пахали.
Ключ, Тимур, Чижик, еще с десятков морпехов да пара посольских выходили из-под огня
американских «тюленей». Наша диверсионная группа обеспечивала им коридор. Мы с Дже-
бом вдвоем прикрывали их. Дали. Прикрыли. Из огненного кольца прорвались. С кувейт-
ского берега на подлодку на диверсионных лодках пришли. Там друг другу слово дали. Не
в вечной дружбе клялись – дерьмо все это. Договорились, как нормальные пацаны, на граж-
данке встретиться. Встретились. В тот же день с Весельчаком и Родиком познакомились.
Они в армии не служили, но аквалангисты были классные. Они нам по духу подошли. Вот
так родилась наша команда. Это судьба, понимаете? Никто к нам по щучьему велению не
приходил. Даже Саня Абрамов, который к нам шкурный интерес имел, ко двору пришелся.
Он вытащил нас из дерьма, нам выпала удача вытащить его. Весельчак за это свою голову
сложил. А какой взнос вы со своим блатным вносите?.. Нам никто не нужен. Знаете, чего я
хочу? Остаться последним, кто выживет в нашей команде, и сказать себе: «Ты, Кок, прошел
этот путь до конца, честно. Не шустрил, ни перед кем не унижался. Потому и дошел. Потому
что миссия, видать, тебе досталась такая – помнить тех, с кем ты шагал по жизни». И в этом
списке, слава богу, шустрил и блатных нет и не было. И не будет. Вы, что ли, нас создали?
Нас было семеро, всего семеро, а мы такой объем работы проворачивали, что любой мясо-
комбинат завалили бы кровавым фаршем. Корабли брали на абордаж – борта трескали. Товар
реквизировали, реализовывали по своим каналам – никаких там яслей и детдомов, вот такие
мы, сволочи. Мы – люди из другого поколения. Это ты, адмирал, собирал поговорки: «Денег
нам на все хватало, но всего недоставало. Стало все, не стало денег». Многое можно забыть,
но что-то забыть невозможно.

– Все?

– Нет. Не подталкивайте меня к крайностям. Я не хочу, чтобы мои товарищи видели,
как Николай Петрович Кокарев посылает Виктора Николаевича Школьника на хрен!

Николай резко встал из-за стола и с грохотом отодвинул стул. Его ресницы дрожали –
от обиды за тех, кого уже рядом не будет, и тех, кто боялся смотреть на него. Может, не так
горячо и эмоционально, но высказаться мог каждый. Почему промолчали? Может, миссия

у Кока такая – и в этот раз сказать всю правду в глаза. Может, в груди давно наболело, а вылилось только сейчас. Только сейчас остро стало недоставать Весельчака, Клюва, Родика. А до этого – лишь жирный комок в глотке. И не было возможности избавиться от него.

Сбежав по лестнице на первый этаж, Кок отыскал Романова за столиком в ресторане. Опершись руками о поверхность стола, Николай неприязненно сощурился.

– Как ты хотел оформить наши отношения? Змеей пролезть в нашу команду или как?.. Мы не лучше и не хуже остальных. Мы такие, какие есть. У нас свой мир. С остальным миром мы просто соседствуем. Хорошо это или плохо, решать нам. И в свой мир мы никого не пустим. – Кок демонстративно глянул на часы: – Даю тебе двадцать четыре минуты, брат. Не съедешь из моего отеля, тебя отсюда увезут вперед ногами. Мне плевать, кто ты. На твои заслуги, если таковые есть, тоже плевать.

Костя улыбнулся и промолчал.

Николай уложился в более короткий срок. Не прошло и пятнадцати минут, а он уже сиделся в такси. Бросив дорожную сумку на заднее сиденье, он назвал водителю адрес:

– Аэропорт.

Такси тронулось в сторону Барселоны.

Школьник знал об этом, но воспрепятствовать решению агента не мог. Кок, в его представлении, падал. Но в том-то и дело, что убивает не падение, а остановка.

Поздно вечером он вызвал к себе в номер Абрамова и Блинкова:

– На Николь Накамуру пришла дополнительная информация. В штате АНБ действительно числился человек с таким именем. Очень скудные данные, нет даже фотографии. Но самое интересное то, что Николь уже не работает в агентстве. Она ушла, или ее «ушли», пока не суть важно, семь месяцев назад.

– На нашем, российском верху говорят «не как наказать нашего товарища, а как помочь нашему товарищу», – сказал Абрамов. – Вот и вся разница.

– Согласен, – кивнул адмирал. – Ближе к теме. В этой связи встает вопрос: говорить ли Николь о нашей осведомленности? Думаю, да. Она должна знать, что ее персоной заинтересовались и этот интерес очень серьезный. Доказательство тому – установленные факты ее увольнения. Что по силам лишь мощной спецслужбе. То есть для нее «частное подразделение Джеба» – это серьезно.

– Вы уточняли источник информации? – спросил Абрамов. – Для меня этот факт слишком очевиден: не успели сделать запрос, как получили ответ. Нет ли здесь элемента подставы?

– Ты прав, Александр Михайлович. Элемент прослеживается, а саму подставу разглядеть всегда трудно. Будем работать.

В номер вошла Лолита. В привычном офисном костюме голубоватых цветов управляющая отелем выглядела чуть старше своих двадцати пяти лет.

– Виктор Николаевич, вам звонок из Москвы, – сказала Лолита, дежурно улыбнувшись адмиралу. Дежурно – это заметил и Абрамов. Сухость Лолки объяснялась внезапным, однако объяснимым порывом Николая Кокарева. Сам Абрамов наполовину осуждал поступок Кока, его другая половина слабо сопротивлялась и была готова сдаться. Уже второй раз за последний год прочные, казалось бы, швы дружбы не выдерживали.

– Что? – необязательно переспросил Школьник.

– Звонок из Москвы в офис отеля.

– Люда или Володя?

Шутку адмирала не приняла даже Лолита. В этот раз мудрый ворон каркнул мимо.

2

Николь свято верила в то, что после смерти Шона Ёсимото вернут ей. Дело закроют за неимением второй конфликтующей стороны; нет второй руки, не получится хлопка. Как прекратится и преследование Николь, организованной в ЦРУ и реализуемой специальным жюри. Николь трудно заподозрить в заказе. Шон всегда ходил по лезвию ножа, и вопрос его гибели – вопрос времени, это она знала наверняка.

Николь могла объяснить свое внутреннее состояние, наложившее неизгладимый отпечаток на внешность, стремлением отстоять сына. Она не заглядывала далеко в будущее и по причине отравленного настоящего. Для нее был важен завтрашний день. Еще один, и еще...

Судьи измотали ее, отняли самое дорогое. Шон не требует развода, выступая в качестве садиста: Николь сохнет, будучи в оковах брачных уз, и это его устраивало. Она страдает и сходит с ума – он доволен этим.

Николь просчитала простую комбинацию: российская разведка примет ее предложение, какие бы цели ни преследовала сама Николь.

С этими мыслями и настроениями, повторяющимися изо дня в день, она поджидала Блинкова в ресторане. Он опаздывал на четверть часа. Была готова ответить на все его вопросы – но постепенно, открывая карты одну за другой, следя за тем, как развиваются события. Была готова и к тому, что может увидеть и не Блинкова: он мог просто выйти на контакт как таковой, основная же часть сотрудничества пройдет с более компетентным человеком. Но пришел именно он.

Николь искренне рассмеялась, отвечая на вопрос Блинкова, а заодно подтверждая выводы начальника флотской разведки.

– Ваша частная организация за сутки сумела установить факт моего увольнения из АНБ?

Настроение у нее приподнятое, что не мог не отметить Джеб. Ее вчерашняя прическа показалась Блинкову пусть и модной, но неопрятной. Волосы, уложенные фиксирующим лаком, носили определение жирных, немых. Сейчас – никакой фиксации. Одна прядка набегает на другую, лишь подчеркивая «продуманную небрежность мастера», который полхозному обкорнал клиента овечьими ножницами. Джеб вывел новое, более точное название этой стрижки – «под девочку».

По дороге в Мальграт Джеба преследовали мысли о Николае. И сейчас – то же самое. Он чуть сменил их курс, вспоминая новый имидж Кока. Тот тоже постригся, оставляя длинную, чуть ли не до подбородка челку, покрасил волосы в черный цвет, отчего стал похож на жиголо. Блинков несколько раз звонил на сотовый Николая, однако тот не отвечал.

– Почему ты ушла из агентства? – перешел на «ты» Джеб.

– Вам это не удалось выяснить? – спросила она не без сарказма.

– Времени не хватило, – спокойно отреагировал Джеб.

Николь демонстративно оглянулась.

– Полагаю, вы не устанавливали за мной слежку?

– Кому это нужно, тебе, нам?.. Поговорим на конкретную тему.

– Принимаете мое предложение?

– В одном случае.

– Ты говоришь о мотивах? – Николь с небольшим запозданием сменила тон обращения и привычным жестом поправила очки в тонкой золотистой оправе.

– Они нас не интересуют. Наш интерес крутится не вокруг твоего имени. Точнее, мой интерес. Ты, целясь пальцем в небо, попала точно в «копейку». Я буду заниматься твоим заказом.

– Ты? – Николь с недоверием отнеслась к этому заявлению.

– Я. Из рук в руки мне необходимы точные и очень подробные данные на Шона Накамуру. Его привычки, места, где он часто бывает, и прочее.

Николь взяла длительную паузу.

– Единственное место, где можно выполнить заказ, очерчено сухопутными и морскими границами. Там действуют партизанские отряды бирманской «Армии Бога», тайские пограничники и отряды спецназа. Плюс интернациональные банды наркоторговцев из «Золотого треугольника». Ты – иностранец, и для тебя будет официально открыто четыре перехода, к примеру в пограничных районах Мьянмы. Но и они при малейшем обострении ситуации на границе закрываются.

– Я, к примеру, – подчеркнул Джеб, выразительно, не рисуясь, подыграв бровью, – работал в Колумбии. Там условия ничуть не лучше. Или не хуже. Я не сталкивался с наркобаронами из «Золотого треугольника», но имел дело с дельцами из ареала «Серебряный треугольник» с оперативным центром в Медельине. Если ты хочешь произвести на меня впечатление, приступай к делу.

Николь глубоко кивнула и последовала совету.

– По меньшей мере, есть два места, где Шон бывает чаще всего. Во-первых, это гостиница в Паттайи, где он снимает шикарный номер и всегда один и тот же. Точного расписания установить, к сожалению, не удастся. Во-вторых, это база, где Шон проводит от нескольких дней до двух-трех месяцев.

– «Ферма»?

– Да. В 1998 году «Ферме» поменяли статус. Она из базы ВМС превратилась в частные владения – эдакие теплые и удобные валенки на ногах ЦРУ. Но сохранила как принципы, так и приверженности и преемственность.

– Пару слов о Шоне. – Джеб улыбнулся, поймав себя на мысли, что начинает искать расположения этой красивой женщины.

– Он богатый человек. Сделал приличные деньги на морских разбоях, торговле оружием. В Таиланде понятия «экспорт» и «оружие» несовместимы, только импорт. Сотни, тысячи подпольных точек, где торгуют американским, немецким, австрийским оружием фактически в открытую. Имея связи в военной сфере, на торговле оружием можно сколотить состояние. От руководства Шон независим в финансовом плане. Риск – его второе имя. Он не из тех, кто говорит: «Зачем что-то уметь, когда и так везет?» Он воспитывает и готовит специальных агентов для работы в Юго-Восточной Азии – Таиланд, Мьянма, Камбоджа, Вьетнам.

– Прикрытие?

– Собственно, у Шона никакого прикрытия нет. – Николь прикурила и пару раз глубоко затянулась. – Его легенда была истиной – достаточно уникальный прием. Шон проходит в «информационных листках», доступных спецслужбам других стран, как владелец «Фермы», не более того, и в этом качестве, кроме как для спецслужб узкого круга стран, не представляет практического интереса. На деле же он имеет тесную связь с воротилами Таиланда. Нередко выполнял их заказы на устранение конкурентов. Они платят ему хорошие деньги. Он на «Ферме» готовит группы – от двух до десяти человек – для конкретных разовых заданий.

– На снимках со спутника мы не нашли ни «Интерцептора», ни его стоянки.

– Стоянка «Перехватчика» в подземном гроте на одном из пограничных с «Фермой» островов. Я назову его точные координаты.

– Думаю, ты, прежде чем уволиться из агентства, сумела обзавестись точными данными «Фермы».

– Разумеется, – кивнула Николь. – Дислокация и численный состав подразделений и боевых кораблей, включая флагман. Распорядок дня, расписание дежурств. Запрашивая данные из лаборатории ВМС в Вашингтоне, я использовала соседний профильный отдел, составляя запрос от имени начальника отдела и оставаясь в стороне. Мне лишь оставалось получить доступ к электронным документам, «запрошенным по ошибке». К тому же я два раза была на «Ферме». Также я кое-что усвоила, ознакомившись с методами ликвидации, которые зачастую практикует ваше Главное разведывательное управление, – акцентировала она. – От меня вы не получите номер спутникового телефона Шона – это во избежание ракетного удара во время сеанса связи, что имело место в случае с устранением Джохара Дудаева. – «Потому что в это время рядом может оказаться другой человек», – вертелось на языке Николь. Она раскроет этот вопрос, но не сейчас. Всему свое время.

– Нереально, – ответил Джеб. – Такая операция требует наличия специального прибора стоимостью под миллион долларов, установленного на самолете с радаром нижнего обзора, истребителя и ракет «земля – воздух». В принципе на территории Таиланда провести подобную акцию невозможно.

– Мы...

– Вы, американцы, – перебил ее Джеб, – бомбите все подряд в любой части света. Вам это сходит с рук, но вечно так продолжаться не может. Вы еще нарветесь. Что дальше?

– Пока все. – Николь передала Блинкову несколько фотографий Шона и листы бумаги с записями. – Этого хватит для подготовки к операции. У вас впереди море работы. Пока определитесь с составом группы, подберите оружие. И еще одно, – Николь забежала вперед. – Шон должен получить «точечный» удар.

– В каком смысле – точечный удар?

– Я говорю о пуле. Или о ноже. Заранее исключите подрыв его резиденции и шквальный проливной огонь в его апартаментах.

Блинков сделал один-единственный, само собой напрашивающийся вывод:

– Ты опасаясь за того, кто может оказаться рядом с Шоном. Кто этот человек?

– Я скажу об этом позже. С его головы не должен упасть ни один волос.

– Мне загадки не нужны.

– Подожди, Женя, – она впервые назвала его по имени и от этого немного смутилась. – У меня есть информация по работе в АНБ. Она напрямую касается специальных мер, направленных ЦРУ против Белоруссии и Калининградской области. То есть внешняя агрессия, реальные шаги против руководства вашего ближайшего соседа и региона. Очень интересный материал.

– Подготовь отчет, – на правах резидента распорядился Джеб.

– Хорошо. – Пауза. – Ты сможешь забрать его в моем номере? Гостиницу, где я останавливалась, ты знаешь. Если ты боишься...

– Мне нечего бояться. Я бизнесмен. И к разведке не имею никакого отношения. – Джеб набросал на салфетке номер сотового телефона и встал, кивнув Николь на прощание.

3

Москва

Виктор Школьник прилетел в столицу на самолете «Ту-154» в начале восьмого вечера. Служебная машина, встречавшая в аэропорту «Шереметьево-2», отвезла его в штаб ВМФ. Начштаба Юрий Черненко поджидал подчиненного с думами о том, что уже не вечер, а любопытная ночь заглядывала в окна его просторного кабинета.

Адмирал поздоровался с начальником разведки флота, указал ему место напротив рабочего стола и сел рядом, прихватив свободный стул.

Школьник заметил кое-какие перестановки в кабинете. Теперь собеседников не разделял низкий полированный столик, за которым подчиненные докладывали начштаба. Черненко словно нарушил эту границу, создав на ее месте неосязаемую полосу демократии. Школьник вдруг подумал о том, что теперь трехзвездный адмирал не сможет незаметно под столом пинать в ноги подопечных: «Ты чего мелешь-то?!» Он улыбнулся, спросив:

– Чего вид-то неважный? Давно из кабинета не выходил?

– Одну секунду, – Черненко ответил на телефонный звонок и занял прежнее положение, положив ногу на ногу. – Ты сам выглядишь не хуже. Докладывай, Виктор Николаевич.

Переменяя точное содержание двух бесед Николь Накамуры и Евгения Блинкова собственными выкладками, Школьник уложился в двадцать минут. Начальник штаба ни разу не перебил подчиненного. В очередной раз решив бросить курить, он пару раз раскуривал трубку, чтобы инертно вдыхать аромат дыма и наслаждаться теплом в пальцах, поглаживающих чубук.

– Ну что же, – наконец сказал он, – материала достаточно для того, чтобы повесить себе на шею камень. Знаешь современный девиз путешественника?

– Скажи, – пожал плечами Школьник.

– Кто больше знает, тот меньше влипает. Мы узнали достаточно. Я перегнал в штаб Тихоокеанского флота фотографии Шона Накамуры. На них дали посмотреть радисту «Решетникова»... Как же его фамилия? – Черненко поглядел в листок с записями. – Вячеслав Минаев. Он и сейчас работает радистом в Фокино. Минаев сразу – заметь, сразу – опознал по ним капитана «Интерцептора». Такие вот дела... Последние несколько часов я думал не о первой, второй, третьей фазах операции...

– Ты начал с конца, – угадал Школьник. – Меня тоже больше всего беспокоит эвакуационный коридор. С базовым коридором все понятно – прибыли легально и убыли в том же ключе. Но вот с запасным коридором для группы Блинкова заминка.

– Часто думал об этом?

– Не реже тебя. Пока нет четкого плана отхода, трудно порой представить начало. Я тоже не с пустыми руками приехал. Я вспомнил выступление помощника командующего ВМФ: «Борьба с морским пиратством в Юго-Восточной Азии должна вестись в первую очередь государствами данного региона, а российские интересы в этом случае весьма ограничены».

– Я рассуждал в этом же направлении, – покивал Черненко. – От правительства Таиланда нам поступило предложение использовать наш флот против пиратов ЮВА. Наша точка зрения по этому вопросу осталась без изменений, поскольку данное предложение не что иное, как попытка отвлечь нас от тех мест, где интересы нашей безопасности являются жизненно важными. Это Балтика, Черное, Баренцево, Японское, Охотское, Берингово моря, – перечислил Черненко.

– Я знаю.

Несколько лет назад правительство Таиланда последовало опыту Филиппин и сделало одной из задач военно-морских сил борьбу с пиратами. Король издал указ о создании специализированного центра по борьбе с пиратством. Все суда были оснащены передатчиками, настроенными на одну волну, – для моментальной подачи сигнала тревоги. Была построена специальная радиостанция для приема этих сигналов от судов, находящихся в море.

Для быстрого реагирования на сообщения о нападениях пиратов было создано и до сих пор существует специальное подразделение таиландской полиции. Однако даже эти усиленные меры порой бессильны против хорошо организованного морского разбоя. Потому что после поступления сигнала о нападении правительству нужно время, чтобы принять решение. А пираты в это время грабят корабельные каюты и помещения, порой успевают отогнать захваченное судно в необитаемую бухту.

Юрий Черненко из многих сотен привел один пример:

– Нападение на японский лесовоз «Суэхиро мару»...

– Да, я в курсе, – покивал контр-адмирал.

Начштаба сам ответил на свой немой вопрос: почему он в качестве примера привел японское судно. Новое дело было напрямую увязано с Шоном Накамурой, отъявленным пиратом, известным своими жестокими качествами, опознанным единственным оставшимся в живых свидетелем.

Без преувеличения – Накамура специалист по морским коммуникациям, рассуждал Черненко. Он принял от Школьника несколько листов бумаги – информация, полученная от Николь и переведенная на русский язык. Он стал читать:

«Всю необходимую для работы информацию Шон, находясь в прямом подчинении ЦРУ, получает от первоисточника. В Лэнгли вырабатываются рекомендации для осуществления новых разбойных акций и всячески поддерживают марку современного пирата (ка она натурально куется на „Ферме“, – мимоходом подмечал Черненко). Там каждый знает принятую в мире классификацию судов, условные обозначения, их грузоподъемность и технические данные. Каждый хорошо разбирается в навигации, владеет компьютером и различными видами вооружения».

И дальше:

«Компьютерные центры по обработке информации в Лэнгли подняли пиратский промысел на новую высоту. Там же функционирует и банк данных, который существенно облегчает планирование пиратских операций по захвату судов».

Черненко отложил бумаги и обменялся взглядом со Школьников. Два адмирала мысленно пришли к выводу: Штаты успешно практикуют прием по контролю определенной части Сиамского залива.

Собственно, в своих размышлениях, базируемых на выкладках Николь, Черненко вплотную подходил к вопросу о новой модели поведения мирового сообщества, строя на этом «неохватном» полигоне эвакуационную операцию.

– Ради ликвидации Шона Накамуры нам придется принять предложенную Таиландом программу.

– Формулировка? – спросил Школьник. – Лучше поздно, чем никогда?

Начштаба развел руками:

– Ты же умный человек, Витя. Для того чтобы пресечь морской разбой в территориальных водах ЮВА, мы сочли необходимым оказать помощь Таиланду, где пиратство особо распространено. Я тут набросал формулировку.

Черненко, сам того не замечая, потянулся вначале к пачке сигарет, прикурил и уже после взял с рабочего стола лист бумаги и зачитал:

– *«В совершенствовании национального законодательства Королевства Таиланд наладить сотрудничество в обмене информацией и оказать реальную помощь – предоставить два скоростных пограничных катера „Мираж“ проекта 14310 с экипажами, прошедшими обучение в специальных морских центрах ВМФ России».* Можно добавить, что именно этой цели в настоящее время подчинены усилия всех государств, заинтересованных в уничтожении морского разбоя.

– Неплохо, – Школьник кивком одобрил решение адмирала. Пара российских пограничных «Миражей» в Тайском заливе – приличные средства для эвакуации диверсионной группы Блинкова. На них можно доставить в Таиланд и необходимое для работы вооружение. Тут главное – не пойти на поводу недооценок возможностей Шона Накамуры. Он, выражаясь словами Николь, с помощью своих боссов из Лэнгли выработал иммунитет к новым подходам по решению проблемы морского разбоя. Кажется, его не волнуют специальные отделы и департаменты по вопросам борьбы с этим явлением.

Школьник принял от адмирала листок и пробежал глазами набросок обращения к руководству Таиланда. Там, помимо озвученного отрывка, была следующая фраза:

«Твердо полагаем, что ощутимую пользу принесет сотрудничество с военно-морскими силами России, которые готовы использовать свой высокий научно-технический потенциал для борьбы с морскими преступниками».

А между строк было написано: *«...а также для противодействия коррупции и разбоям среди тайландских пограничников».*

Там же была тонкая ссылка на страховую компанию «Ллойд», которая «ведет активную разведывательную деятельность в эпицентрах пиратской угрозы посредством большого количества специально обученных агентов». Ссылка расшифровывалась легко: монстры пиратского бизнеса давно научились противостоять любым принимаемым мерам; высококлассная конспирация и опыт позволяют им и далее вершить свои грязные дела. То есть это был нажим со стороны российского руководства в лице начштаба ВМФ России. А в общем и целом – тонкая игра военной разведки.

– Как долго продлятся переговоры с Бангкоком? – спросил Школьник.

– Витя, почему ты не шлепнул меня по губам? – Черненко с удивлением смотрел на сигарету, зажатую между пальцами. – Два дня не курил...

– Откуда мне было знать? Я тебя четыре дня не видел.

Черненко вызвал адъютанта и указал на пепельницу:

– Убери. Иначе меня потянет на воспоминания. Завтра мои оболтусы отшлифуют «ноту», – ответил на вопрос начштаба. – Завтра же постараемся переслать ее в наше посольство в Бангкоке. Согласование отдельных моментов не займет и недели. Не забывай, что инициатором выступило правительство Таиланда, а мы лишь подхватили их инициативу. Разумеется, сделали паузу. Мы же тонкие морские дипломаты, – хохотнул морской волк, – как ты считаешь?

– Я тут подумал о вооружении для группы Блинкова. Его можно доставить в Бангкок на пограничных «Миражах».

– Этот вопрос полностью в твоей компетенции. Займись им вплотную.

– Ты получил добро от министра?

– Он настроен по-боевому, – Черненко, сдвинув брови, несколько раз покивал. – Действуй – сказал он мне. И процитировал главкома: «Везде должно быть неотвратимым». Его полностью устраивает вариант с наемниками. Все агенты, включая Абрамова, не состоят на службе в наших вооруженных силах. Еще шеф сказал: «Эта акция станет достоянием гласности. Расправа над членами экипажа и пассажирами «Решетникова» не должна остаться безнаказанной». Да, именно так и сказал. Важно, чтобы некоторые детали, исключая конкретные имена, стали известны в аппарате президента США. По сути, оттуда идут при-

казы на незаконные убийства. Проходят и, слава богу, те времена, когда наше правительство закрывало глаза на преступления «международного ОМОНа».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.